

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 3 (70) 2019

Донецк

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

Научный журнал Донецкого национального университета

Исторический факультет

сетевое издание

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)

Агапов В.Л. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

Бредихин А.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

Кузнецова Е.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)

Морозов Р.Н. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)

Пенькова О.Б. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)

Разумный В.В. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)

Черкашин К.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Баранов А.В. – д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)

Беловолов Ю.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

Ерхов Г.П. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

Кияшко А.В. – д-р ист. наук (Южный федеральный университет, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)

Кринко Е.Ф. – д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)

Липинский В.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

Саржан А.А. – д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет)

Шендрикова С.П. – д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Российская Федерация, Симферополь)

Шепко Л.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

Цыганков П.А. – д-р филос. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, Российская Федерация, Москва)

Рецензенты: д.и.н. Бредихин А.В., д.и.н. Колесник А.В., д.филос.н. Муза Д.Е., к.и.н. Разумный В.В., д.и.н. Саржан А.А., д.и.н. Шепко Л.Г., к.и.н. Шкрибитько Е.А.

Рекомендовано к изданию Ученым советом ДонНУ. – Протокол № 10 от 24.12.2019 г.

Журнал зарегистрирован Министерством информации ДНР, Свидетельство о регистрации средства массовой информации Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. – Приказ МОН ДНР №1134 от 1. XI. 2016 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), лицензионный договор №117-03/2016 от 9 марта 2016 г., и наукометрические базы данных Index Copernicus, Infobase Index.

Адрес редакции: Исторический факультет, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, Донецк, 83001. Тел. (095) 360-43-70, (071) 305-59-87; e-mail: nvn2015@rambler.ru, nicols46@mail.ru

Сайт <http://donnuhist.ru>

© Донецкий национальный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

Кожушко А.В. К вопросу о пребывании севрюков на сторожевой службе в Подонцовье (XVI в.)	5
Соловей М.А. Российско-сербские отношения в период первого сербского восстания (1804 – 1813 гг.).....	12
Мармазова О.И. Организация внешкольного образования земствами в Донбассе.....	19
Федоровский Ю.Р. Воспоминания Ивана Николаенко как ценный источник по истории Революции 1917 года в Донбассе.....	24
Смеричевский Э.Ф., Коржова Д.А., Белоусова В.Ю. Становление Новороссии в период 1917 – 1921 гг.....	31
Даренский В.Ю. Добровольческая армия на Донбассе в 1919 г.: социальный аспект.....	34
Дмитриченкова Е.А. Административно-территориальное деление и религиозная принадлежность немецких поселений Приазовья в 20-30-х гг. XX в.	42
Старченко Н.Н. Проблема государственного регулирования советского досуга на примере города Сталино в период послевоенного восстановления (1943-1953 гг.)	48
Соловьева Р.П., Соловьева Ю.М. В.И. Дегтярев – реформатор советского Донбасса.....	55
Полякова М.А. Структура высших педагогических учебных заведений Донбасса в 1954 – 1964 гг.	62
Сальников В.И. Донецкая Народная Республика: проблемы и перспективы государственности	68
Тамбиянц Ю.Г. Проблематика Донбасса на современном этапе: социально-философское осмысление	76

Политология

Горулько А.А. Политическое измерение концепта «этничность» в рамках теории этносов.....	84
--	----

CONTENT

Domestic and regional history

Kozhushko A. V. On the question of the stay of sevryuk on the guard service in the Podontsovye (16th century).....	5
Solovey M.A. Russian-Serbian relations during the first Serbian uprising (1804 - 1813).....	12
Marmazova O.I. Organization of out-of-school education by zemstvos in Donbass.....	19
Fedorovskiy Y.R. Memories of ivan nikolaenko as a valuable source on the history of the 1917 revolution in Donbass.....	24
Smerichevskiy E.F., Korzhova D.A., Belousova V.Y. Formation of Novorossiya in the period 1917 - 1921.....	31
Darenskiy V.Y. Volunteer army in Donbass in 1919: social aspect.....	34
Dmitrichenkova E.A. Administrative territorial division and religious affiliation of the German settlements of the Azov region in the 20-30s. XX century	42
Starchenko N.N. The problem of state regulation of Soviet leisure on the example of the city of Stalino during the post-war reconstruction period (1943-1953).....	48
Solovieva R.P., Solovieva Y.M. V.I. Degtyarev - reformer of the Soviet Donbass..	55
Polyakova M.A. The structure of higher pedagogical educational institutions of Donbass in 1954 - 1964.....	62
Salnikov V.I. Donetsk People's Republic: problems and prospects of statehood.....	68
Tambiyants Y.G. Problems of Donbass at the Present Stage: Socio-Philosophical Understanding.....	76

Political science

Gorulko A.A. The political dimension of the concept of "ethnicity" in the framework of the theory of ethnic groups.....	84
--	----

Отечественная история

УДК 93 (908.39)

А.В. Кожушко

ГУК «Луганский краеведческий музей»

e-mail: lugmuseum@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ СЕВРЮКОВ НА СТОРОЖЕВОЙ СЛУЖБЕ В ПОДОНЦОВЬЕ (XVI В.)

Аннотация

В статье актуализируется проблема пребывания севрюков на сторожевой службе в Подонцовье (XVI в.). Обращение к данным письменных источников по истории Московского (Русского) царства XVI–XVII вв. позволило установить достоверные факты несения севрюками до 1571 г. сторожевой службы в «диком поле», а также их пребывания на территории Подонцовского региона в XVI в.

Ключевые слова: севрюки, Подонцовье, «дикое поле», сторожевая служба, сторо́жа.

Summary

Actualizes the Problems of Sevruks being on Guard Corps in Seversky Donets Region (Podontsovie) in XVI cent. Written Sources of the XVI–XVII cent. According to the History of the Moscow (Russian) Kingdom the Reference to the Data it was Possible to Establish Reliable Facts of Carrying out a Guard Corps by Sevruks in the «Wild Field» until 1571 and Well as their Stay in the Podontsovsky Region in the XVI cent.

Keywords: Sevruks, Seversky Donets Region (Podontsovie), «Wild Field», Guard Corps, Guard Stations («Storózha»).

В историческом прошлом Подонцовья – историко-географического региона, расположенного в бассейне р. Северский Донец, насчитывается немало малоизученных периодов, противоречивых событий и спорных фактов. К одним из наиболее сложных в плане изучения периодов в истории Луганского края относится хронологический промежуток с XIV по XVI вв., когда значительная часть территории Луганщины, в частности, Среднее Подонцовье, являлось частью т.н. «дикого поля».

Письменные источники – официальные документы Московского (Русского) царства, путевые записки, сочинения европейских дипломатов, восточных географов и путешественников XVI–XVII вв. содержат в себе многочисленные упоминания и историко-географические описания «дикого поля» – обширных и малозаселенных территорий, располагавшихся между р. Днестр и Дунай на западе, средним течением рек Волги, Дона и Северского Донца на северо-востоке, степями Причерноморья и Приазовья на юге [1].

Возникновение «дикого поля», как феномена в историческом прошлом Подонцовского региона, связано с последствиями монголо-татарских завоеваний XIII в., образованием и распадом Золотой Орды в начале – середине XV в., продолжительными войнами между татарскими государствами, а также противостоянием Московского царства и Крымского ханства на протяжении XV–XVII вв. [1].

Ввиду фрагментарности данных письменных источников и недостаточности вещественных (археологических) материалов, сложные этно-исторические процессы, происходившие на территории Подонцовского региона в XV–XVI вв., не нашли детального отражения в краеведческих исследованиях. В контексте последнего аспекта приобретает актуальность установление исторической достоверности пребывания севрюков на территории Подонцовья в XVI в. В то же время, период XVII–XVIII вв., связанный с колонизацией – процессами заселения территории Луганского края, получил довольно широкое освещение в индивидуальных и коллективных работах краеведов в разное время [2, с. 4–8; 3, с. 95–123, 135–153; 4, с. 18–27; 5, с. 125–153; 6; 7, с. 23–41; 8, с. 17–34; 9, с. 9–20; 10, с. 19–28].

Отдельные аспекты, связанные с происхождением, этнической преемственностью и историческим прошлым севрюков, затрагивались еще в работах дореволюционных авторов: Д.И. Багалея [11], И. Беляева [12], П.В. Голубовского [13], А.М. Савельева [14], В.Д. Сухорукова [15], Н. Юсупова [16]. На современном этапе историческое прошлое севрюков нашло отражение в исследованиях: Н.М. Багновской [17; 18], В.Г. Балущка [19–23], Г.Ю. Канищева [24], А.И. Папкина [25] и др.

На сегодняшний день в исторической науке не существует единого мнения относительно происхождения севрюков. Исследователи видят в них самостоятельный народ, этническое сообщество, особую (локальную) группу восточнославянского народа или «земельный этнос» [18, с. 34; 19, с. 37; 20, с. 18, 25].

Вместе с тем, сложилось устоявшееся мнение об этнической преемственности севрюков, которые неоднократно упоминаются в исторических источниках XVI–XVII вв. [18, с. 22–24; 20, с. 20; 24, с. 103], а в дореволюционной историографии известны как летописные северяне – восточнославянский народ, населявший Северскую (Новгород-Северскую) землю по рекам Десна, Ока, Сейм, Сула, Сож [11, с. 5; 13, с. 2].

Оформившись в племенной союз на протяжении VIII–XI вв., северяне фигурировали в истории Древней Руси (XI–XIII вв.). После монголо-татарского нашествия в начале XIII в., часть Северских земель была присоединена Литовским государством (XIV–XV вв.), а в 1500–1503 гг. они отошли к Московскому царству [подроб. см.: 11, с. 32–52; 160–268; 301–310; 13, с. 1–26, 36–201; 18, с. 7–15, 18–19; 18, с. 30; 27, с. 36; 21, с. 20; 23, с. 47–52].

На протяжении XIV–XV вв. северяки были втянуты в орбиту противостояния между Литовским княжеством, Московским царством и татарскими государствами, в особенности – Крымским ханством. В условиях постоянной угрозы со стороны крымских татар, особенно в XVI в., московское правительство предпринимает меры для организации сторожевой и разведывательной службы на государственных границах и в «диком поле». Так, были сформированы конные разъезды численностью по от 3-х до 10 чел. (сторожи) и 60–100 чел. (станции). Последние должны были вести постоянную разведку на отдаленных территориях. По сведениям 1571 г., на побережье р. Северский Донец функционировали 73 сторожи, которые подразделялись на 12 разрядов. Наиболее отдаленными были сторожи, располагавшиеся на территории Подонцовья, в частности – Айдарская [2, с. 4; 3, с. 94–95; 8, с. 16; 10, с. 20;].

Необходимо отметить, что в вопросе определения этнического и социального происхождения воинского контингента на сторожевой и разведывательной службе в XVI в., краеведы не располагают однозначным ответом. В одних исследованиях вовсе не приводится никакой информации касательно данного вопроса [4, с. 13; 8, с. 16; 9, с. 8–9], другие авторы ограничиваются общими сведениями и констатируют, что сторожевую службу в «диком поле» несли «дети боярские», стрельцы, казаки и даже татары [2, с. 5; 3, с. 93; 5, с. 124–125, 135]. Примечательно, что в публикации Т.В. Вихровой упоминаются северяки, состоявшие на сторожевой службе [10, с. 20]. В своем исследовании она ссылается на работу дореволюционного историка И. Беляева [10, с. 20, 50], который указывал, что в военных подразделениях сторож состояли стрельцы – «городовые воины», «боярские дети», казаки, а также северяки [12, с. 8; 26].

Обращение к историческим источникам позволяет установить некоторые факты о северяках в контексте истории Московского царства. Северяки, зачастую, фигурируют в ряде российских документов XV–XVII вв. – военных уставах, грамотах, дипломатической переписке и т.д., среди которых: «Отправление посольства от великого князя Василия Ивановича к турецкому султану Селиму I с дворянином Михаилом Ивановичем Алексеевым» (1512–1513 гг.) [27, с. 83–89], «Грамота Юсуфа, 1549 г., в июнь, о смутных событиях в Казани...» (от 1549 г.) [28, с. 22–28], «Рыльская уставная наместничья грамота 1549 г.» [27, с. 65–70], «Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1551–1561 гг.» [29, с. 44–45], «“Речи” Семена Елизарьева, с. Мальцева о походе татар и турок под Астрахань» (от 21 ноября 1569 г.) [30, с. 153–159], «Боярский

приговор об освобождении рязанских сторожей от службы на сторожах...» (1571 г.) [31, с. 2–5], «Роспись донецким сторожам по расспросу боярина, князя Михаила Ивановича Воротынского 79 года». (1571 г.) [31, с. 7–8], «Роспись путивльским ближним сторожам» (1571 г.) [31, с. 8–9], «Путивльские документы 1588–1594 гг.» [32, с. 112–115], «Отписки царю путивльского воеводы Григория Борисова, о поисках за черкасскими казаками, производящими набеги и грабежи на Путивльский уезд» (1589 г.) [33, с. 433–434], «Замечания об осаде Троицкой Лавры (1608–1610 гг.), и описании оной историками XVII, XVIII и XIX столетий» [34, с. 148–149] и ряде других.

Важными источниками, которые подтверждают факт пребывания севрюков на сторожевой службе в «диком поле», являются документы о сторожевой и разведывательной службе Московского царства, вошедшие в дореволюционную подборку под названием «Акты московского государства» [31]. Так, в вышеупомянутом «Боярском приговоре об освобождении рязанских сторожей от службы на сторожах...» от 1571 г. идет речь о путивльских севрюках, «... которые... ездили из Путивля на Донецкие сторожи из найму...» [31, с. 5].

Следует отметить, что «путивльские севрюки» чаще всего упоминаются в русских источниках XVI – начала XVII вв. в районе г. Путивля. Поскольку город на то время являлся единственной каменной крепостью на юге Московского царства и находился вблизи границ, сторожевую службу в «диком поле» до 1571 г., зачастую, несли именно путивльские севрюки [18, с. 24–25; 24, с. 104].

В 1571 г. был принят важный правительственный документ – военный устав об организации сторожевой и станичной службы Московского царства – «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», согласно которому на ключевые наблюдательные пункты в «дикое поле» назначались «дети боярские» и «государевы служилые люди» во главе с начальниками – «стоялыми головами». Одновременно, на границах «дикого поля», началось возведение оборонительных крепостей [см.: 12, с. 17; 18, с. 25, 30; 24, с. 104; 32, с. 112].

Так, после реорганизации сторожей и станиц, севрюки, фактически были отстранены от государственной службы. Об этом сказано в одном из документов 1571 г.: «а которые путивльские севрюки ездили из Путивля на Донецкие сторожи из найму, и тех севрюков приговорили отставить, на сторожи их не посылати, и найму им вперед не давати... А посылати в их место на донецкие сторожи детей боярских путивльцов да рылян, а не будет столько путивльцев да рылян, ино к ним прибавити и посылати на сторожу почапцов и новаго городка северсаго» [цит.: 31, с. 5]. Здесь же упоминаются и причины отстранения севрюков от сторожевой службы: «[севрюки. – А.К.] стоят на сторожах неусторожливо, воинские люди на государевы украины приходят безвестно, а они того не ведают, и вести от них прямые николи не бывают, а приезжают с вестми с ложными» [там же].

Однако причины отстранения севрюков от сторожевой службы, помимо невыполнения приказов и недобросовестного несения службы [21, с. 22], были и другие. Известно, что севрюки, имея «свободолюбивый дух», не всегда считались с правительственными интересами и полностью не признавали над собой власть государства [21, с. 21–22]. Нередко они действовали в собственных интересах, не выполняли приказов правительства и сами предпринимали разбойничьи рейды в «диком поле». Так, в «Грамоте царя Юсуфа» от 1549 г. об этом сказано: «В этот год ходили наши люди (т.е. послы ногайского правителя Юсуфа – *А.К.*) к Москве. Осенью же, когда они возвращались, ваши Казаки и Севрюки, стоящие на Дону, напали на тех наших людей (т.е. послов. – *А.К.*), иных побили, взяли их деньги, а иных к тебе (здесь – обращение к царю Ивану IV. – *А.К.*) повели» [цит. по: 16, с. 28].

Известны также случаи, когда военные стычки происходили между самими станичниками. Один из таких конфликтов был документально засвидетельствован в 1588 г., когда «служилые черкасы» [35] разгромили отряд станичников, забрали имущество и оружие путивльских севрюков. Однако затем севрюки нанесли поражение черкасам и вернули захваченное имущество [25, с. 93].

Таким образом, обращение к историческим источникам – документам по истории Московского царства XVI–XVII вв., подтверждает факт пребывания севрюков на сторожевой службе в Подонцовье, которое являлось на то время частью «дикого поля». Более того, в исторической литературе встречаются сведения о том, что в XVI в. севрюки не только несли военную службу на малозаселенных территориях, но и обживали побережье Северского Донца [36].

Ссылки и примечания

1. Кузнецов О.Ю. Рыцарь Дикого поля. Князь Д.И. Вишневецкий. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. – С. 5; Подов В.И. Донбасс. Век XVIII-й. Социально-экономическое развитие Донбасса в XVIII веке. – Луганск: Світлиця, 1998. – С. 6; Подов В.И. История Донбасса: В 3-х т. Луганск: Альма-матер, 2004. Т. 1. Донбасс в XVII–XVIII веках. С. 12; Щербак В.О. Дике поле // Енциклопедія історії України: У 10 т. / Редкол. В.А. Смолій та ін. К.: Вид-во «Наукова думка», 2004. Т. 2. С. 381.
2. Вихрова Т.В. Наш край в составе Слободской Украины: заселение в XVI–XVIII вв. // Краеведческие записки по истории заселения и этнографии. Луганск, 1993. Вып. 1. С. 3–21.
3. Горелик А.Ф., Вихрова Т.В., Красильников К.И. История родного края (Луганская область): В 2-х ч. Луганск: Тип. изд-ва «Лугань», 1995. Ч. 1 (с древнейших времен до начала XIX века). 238 с.
4. Подов В.И. Донбасс. Век XVIII-й. Социально-экономическое развитие Донбасса в XVIII веке. Луганск: Світлиця, 1998. 227 с.
5. История Луганского края: Учеб. пособие / Ефремов А.С., Курило В.С., Бровченко И.Ю. и др. Луганск: Альма-матер, 2003. 432 с.

6. Бровченко І.Ю. Заселення та господарське освоєння південно-східних степів України в другій половині XVII – протягом XVIII ст.: автореф. дис. ... к.і.н: 07.00.01 «Історія України». Харків, 2004. 26 с.
7. Пірко В.О. Заселення і господарське освоєння степової України в XVI–XVIII ст. – Донецьк: Східний видавничий дім, 2004. 224 с.
8. Подов В.И. История Донбасса: В 3-х т. Луганск: Альма-матер, 2004. Т. 1. Донбасс в XVII–XVIII веках. 336 с.
9. Подов В.І., Курило В.С. Історія Донбасу. Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2009. 300 с.
10. Віхрова Т.В. Формування етнічної структури Луганщини (XVII – поч. XX ст.) // Традиційно-побутова культура Луганщини кінця XIX – початку XX століття: Зб. наук. ст. Луганськ: ТОВ «Прес-експрес», 2013. С. 16–52.
11. Багалеї Д.И. История Северной земли до половины XIV ст. Киев: [б.и.], 1882. II, 310, VII с.
12. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской окраине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М.: В университет. тип., 1846. 151 с.
13. Голубовский П.В. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев: Университет. тип. (И. Завадзкого), 1881. 203 с.
14. Савельев А.М. Трехсотлетие Войска Донского 1570–1870: Очерки из истории донских казаков. СПб: Изд-е Донского Войскового Статистического Комитета, 1870. 2, VI, 124 с.
15. Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского: В 2-х т. – Новочеркасск: Изд-е Войскового Статистического Комитета, 1869. Т. 1. X, IX, 290, VIII с.
16. О роде князей Юсуповых. Собрание жизнеописания их, грамот и писем к ним российских государей. С XVI до половины XIX века, и других фамильных бумаг, с присовокуплением поколенной росписи предков князей Юсуповых с XVI-го века: В 2-х ч. / сост. Н. Юсупов. СПб.: [б.и.], 1867. Ч. 2. XIII, 421, IV с.
17. Багновская Н.М. Северская земля: историко-этническое формирование и развитие населения VII–XVIII вв.: дис. ... докт. ист. наук. 07.00.02. М., 2002. 290 с.
18. Багновская Н.М. Севрюки: население Северной земли в XIV–XVI вв. М.: «Палеотип», 2002. 48 с.
19. Балущок В. Загадкові севрюки: 1. Формування спільноти // Сіверянський літопис, 2015. № 6. С. 30–41.
20. Балущок В. Загадкові севрюки: 2. Етнічна природа спільноти // Сіверянський літопис, 2016. № 1. С. 18–28.
21. Балущок В. Загадкові севрюки: 3. Між українцями, росіянами та білорусами // Сіверянський літопис, 2016. № 2. С. 17–26.
22. Балущок В. Загадкові севрюки: 4. Етнокультурні особливості // Сіверянський літопис, 2016. № 4. С. 3–15.
23. Балущок В. Загадкові севрюки: 5. Проблема назви. Територія і стан її заселеності // Сіверянський літопис, 2016. № 6. С. 44–55.

24. Канищев Г.Ю. Формирование Слободского края в XVI – начале XVII вв. (бассейн Северского Донца в составе Северской земли) // Гуманитарный часопис, 2015. № 2. С. 102–106.
25. Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (XVI – первая половина XVII века). Белгород: Изд-во «Константа», 2004. 352 с.
26. В примечании к рассмотренному фрагменту текста, И. Беляев приводит выдержку из документа о жаловании станичниками. При этом, из аббревиатуры «Р.Ар.» [12, с. 6], неясно как назывался документ, из которого автор взял данную выдержку.
27. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею / изд. под ред. Г.Ф. Карпова и Г.Ф. Штендмана // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. Ч. II. 1508–1521 гг. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. XIX, 706 с.
28. Антонов А.В. Рьльская уставная наместничья грамота 1549 года // Русский дипломатарий, 1998. Вып. 3. С. 65–70.
29. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / под ред. М.А. Усманова. Казань: Татарское книжное изд-во, 2006. 392 с.
30. Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки, 1947. Т. 22. С. 132–166.
31. Акты московского государства, изданные Императорской академией наук: В 3-х т. / под ред. Н.А. Попова СПб.: Тип. императорской АН, 1890. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. XLIV, 767 с.
32. Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. М.: Изд-во МГУ, 1967. 542 с.
33. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: В тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 1. 1334–1598. VIII, 551. 46 с.
34. Замечания об осаде Троицкой лавры 1608–1610 и описании оной историками XVII, XVIII и XIX столетий. М.: В Университетской тип., 1842. 142 с.
35. «Черкасами» («черкесами») в письменных источниках XVI в. нередко называли запорожских казаков [25, с. 96]. В данном случае, речь идет о «служилых черкасах», т.е. казаках, которые около 1586 г. пребывали на сторожевой службе Московского царства [см.: 2, с. 4; 10, с. 20]. В источниках XVI в. также упоминаются т.н. «воровские черкасы», которые не состояли на военной службе Московского царства и вели «казачье разбойничество» – т.е. занимались разбоем и грабежами [10, с. 22–23].
36. Эти сведения приводит в своем исследовании А.С. Лисянский. Последний, ссылаясь на данные дореволюционного историка казачества В.М. Пудавова пишет, что в XVI в. побережье р. Северский Донец обживали не только казаки, но и севрюки (см.: Лисянский А.С. Конец Дикого поля. Историко-краеведческий очерк. Донецк: «Донбас», 1973. С. 43).

УДК 94(47:491.11)"1804/1813"

М.А. Соловей

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: valkyr-mariya@yandex.ru

РОССИЙСКО-СЕРБСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОГО СЕРБСКОГО ВОССТАНИЯ (1804 – 1813 ГГ.)

Аннотация

В статье рассмотрены различные виды российской помощи повстанцам в годы Первого сербского восстания – финансовой, дипломатической, военной, организационной. На основе исторических документов проанализированы и объяснены причины изменения в позиции России относительно направлений поддержки сербского национально-освободительного движения.

Ключевые слова: *Российская империя, Сербия, Османская империя, Первое сербское восстание.*

Summary

The article considers various types of Russian assistance to the rebels during the First Serbian uprising: financial, diplomatic, military, and organizational. Using the historical documents, the author analyzes and explains the reasons for the change of Russia's position regarding the directions of support for Serbian national liberation movement.

Keyword: *Russian Empire, Serbia, Ottoman Empire, First Serbian uprising.*

К концу XVIII – началу XIX вв. обобщенная позиция российской дипломатии по сербскому вопросу сводилась к тому, что России не стоит слишком активно ратовать за сербов в Турции и Австрии, поскольку этот болезненный частный вопрос может слишком осложнить отношения с главными контрагентами империи на международной арене. Однако в годы Первого сербского восстания против Турции (1804 – 1813 гг.) эта позиция поменялась. Хронологически оно пересеклось с русско-турецкой войной 1806 – 1812 гг. и даже в определенной мере стало ее частью, поэтому российско-сербские взаимоотношения приобрели важное геополитическое значение: с помощью углубления своего влияния на православных сербов Россия рассчитывала ослабить Османскую империю и политически закрепитесь на Балканах. В дальнейшем объективным следствием такой политики стало создание в этом регионе независимых национальных государств, в первую очередь – Сербского Княжества.

При этом на протяжении Первого сербского восстания контакты сербских политических деятелей с Россией не были статичными, они существенно эволюционировали. Причем ситуативно менялось не только отношение России к сербским проблемам, но и виды помощи, оказываемой повстанцам. Однако конкретные изменения в этих взаимоотношениях, их причины и последствия в полной мере еще не изучены.

Исследователи неоднократно обращались к истории Первого сербского восстания, но при этом они обращали внимание главным образом на фактический ход событий, а также на военную помощь России. Другие направления российского влияния на ситуацию – финансовая, организационная, дипломатическая поддержка – оставались недостаточно освещенными.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить и охарактеризовать основные направления развития российско-сербских отношений в годы Первого сербского восстания, а также определить степень поддержки, которую оказывала «покровительствующая держава» (так именовали Российскую империю сербские политические деятели) сербскому национально-освободительному движению в разные годы указанного периода.

С самого начала Первого сербского восстания Карагеоргий обратился за помощью к России: в сентябре 1804 года в Петербург прибыло сербское «великое посольство» во главе с протоиереем Матией Ненадовичем, которое привезло прошение императору Александру I. Российский министр иностранных дел А.Чарторыйский сербскую депутацию принял холодно и посоветовал посланцам Карагеоргия решать свои вопросы непосредственно с Турцией, хотя и обещал дипломатическую поддержку России [1].

В докладе императору о цели приезда сербской депутации А.Чарторыйский отметил, что она «состоит в ходатайстве у высочайшего двора российского о подкреплении их вспомоществованием, воинскими силами, оружием и снарядами, а паче всего денежным, противу бунтующих властей турецких, устремившихся на сокрушение сербов». При этом министр иностранных дел подчеркнул, что активная российская военная поддержка сербов неуместна, так как может осложнить российско-сербские отношения: «приемлю смелость представить вашему величеству, что при настоящем положении дел единственное вспомоществование, народу сему возможное, состоять может в деньгах». Он предложил для начала направить 20 тысяч пиастров генеральному консулу в Яссах Болкунову, «чтоб доставил сумму сию он сербам надежнейшим образом» [2]. В дальнейшем повстанцы постоянно получали финансовую помощь из России.

Дипломатическая поддержка и реальная военная помощь началась позже, только в годы русско-турецкой войны 1806 – 1812 гг. Тогда с Днестра на Дунай была переброшена армия под командованием генерал-фельдмаршала И.Михельсона, который сразу же направил к Карагеоргию своего представителя, генерал-майора Ивана Ивановича Исаева. Тот быстро проникся симпатией к повстанцам, позитивно оценил возможность совместных с ними операций и даже по собственной инициативе принимал участие в боевых действиях.

24 апреля 1807 г. в ставку главнокомандующего Дунайской армией, располагавшуюся в Бухаресте, прибыла сербская депутация, которая просила оказать им военную и финансовую помощь, а также прислать в Сербию советника, способного в деле государственного управления. Сербские депутаты также написали письмо Александру I, в котором ходатайствовали назначить им «одного опытного министра, сведущего в управлении земельном». По рекомендации И.И.Михельсона, сербы конкретно указали на действительного статского советника, чиновника Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникина. Царь эту просьбу удовлетворил, и 2 июня 1807 г. в ставку И.И. Михельсона прибыл указ царя о назначении российским уполномоченным в Сербии К.К. Родофиникина [3].

В инструкции от 16 июня 1807 года И.И.Михельсон предписывал К.К.Родофиникину «наиближайше узнать о всех их [сербов] нуждах и способах доставить им вспомошествование» [4]. Кроме того, в этой инструкции российскому советнику было отмечалось: «нахождение Ваше у сербов, имея целью, между прочим, ... дать народу сему руководство к образованию внутреннего у них правления, вашему превосходительству следует заняться образованием не без важного предмета сего, и что по оному учинено будет Вами ..., о том предоставляю Вам доносить министру иностранных дел и меня извещать». Таким образом, перед российским советником в Сербии было поставлено вполне конкретные задания по оказанию как финансовой, так и организаторской помощи повстанцам.

Именно тогда, после начала русско-турецкой войны, российское общество глубоко прониклось идеей солидарности с православным сербским народом, борющимся за свою автономию. В российской прессе в этот период появилось немало публикаций о событиях на Балканах. Одним из главных рупоров формирования просербских настроений в империи стал журнал «Вестник Европы», который из номера в номер сообщал своим читателям то о страданиях сербов под властью иноверцев, то о зверствах турок и грабежах ими славянского населения в Османской империи, то о постоянном стремлении сербов к свободе и их немалом военном потенциале, что делало их естественными союзниками России в противоборстве с Портой [5].

Журнал героизировал как сербов в целом, так и предводителя Первого сербского восстания Карагеоргия (Георгия Черного). Так, в статье, опубликованной в 1808 году, отмечалось, что сербы, ранее бывшие народом «смирным и совсем не воинственным», поднялись на борьбу с угнетателями, так как тяжесть турецкого деспотизма в конце концов «превзошла меру их терпения». В результате они изгнали из своей страны басурман, показав себя при этом отличными воинами – «деятельными, быстрыми, искусными, одушевленными мщением и патриотизмом, ... приводящими в трепет своего неприятеля» [6].

Во внутренней дипломатической переписке, которая была доступна исключительно специалистам, оценки повстанцев были более объективными и менее героическими. Так, в донесении К.К.Родофиникина генерал-фельдмаршалу А.А.Прозоровскому от 9 ноября 1807 г. отмечалось, что среди сербов, испытывавших жесточайший турецкий гнет, «не было даже следов просвещения»,

зато имелось «немалое число разбойников», которые и принудили народ восстать. Именно из среды этих маргиналов вышло большинство повстанческих командиров, которые «кроме личного интереса ничего более не разумеют». При этом дипломат уверял, что сербский народ «весь привержен России и на нее одну возлагает всю свою надежду». К.К.Родофиникин откровенно отмечал, что если бы не эти надежды, то большая часть повстанцев уже убежала бы из Османской империи в Австрию, хотя они «австрийцев не любят нимало» [7].

Вместе с тем, дипломатический агент подчеркнул, что «сербы успели туркам вперить великий страх, а наипаче Черный Георгий». Поэтому, по его мнению, России следует воспользоваться этим в своих интересах: «Если ... будет война, можно извлечь от сербов немалую пользу, ибо на войну, подкрепляемую российским оружием, охотно все начальники пойдут, имея надежду обогащаться грабежом турецких селений и городов. Останется тогда ими руководствовать и направлять их, удерживая поколику возможно от зла». При этом К.К.Родофиникин предупредил, что все расходы по содержанию сербского войска придется взять на себя российской стороне: «Что касается до существенных нужд сербских, то оные простираются почти на все предметы... Доходы земские здесь все расходятся по карманам поглаварей сербских, так что нет никогда ни копейки на нужные издержки, а посему самому буде приказано им будет действовать, должно иметь всегда в наличности несколько денег как для нужд войск, так и для обращения самых турок» [8].

Несмотря на свои критические замечания о сербских повстанцах и их предводителях, К.К.Родофиникин не забывал о своей главной задаче. Фактически сразу же после своего прибытия, 8 августа, он представил проект формирования государственных органов Сербии, вошедший в историю как «Основание правительства Сербского» [9]. Анализ этого документа свидетельствует о том, что Родофиникин недостаточно глубоко разбирался в сербских реалиях. Согласно принятому документу, верховным органом государственной власти в повстанческой Сербии по-прежнему оставался Правительствующий совет, в который входили нахийские воеводы с титулом «сиятельный вождь», члены старого совета с титулом «превосходный сенатор» и выборные представители от каждой из нахий со званием «советник совета». Председателем Правительствующего совета провозглашался Карагеоргий с титулом «сиятельнейший князь» [10].

Иными словами, Сербия фактически становилась парламентской монархией: представительный орган имел широкие полномочия и значительно ограничивал деятельность князя. В условиях полного отсутствия сербской национальной элиты, дворянства, да и просто образованных, подготовленных к управлению людей это было полной утопией. Но сербский Правительствующий совет этот документ принял, после чего Родофиникин его отправил на утверждение в Петербург. Однако к тому времени, когда проект был доставлен Александру I, начались мирные переговоры с Османской империей. В условиях заключенного перемирия император счел неуместным обострять отношения с Портой, и проект был

отклонен. Официальной причиной отказа послужило то, что К.К.Родофиникин не имел полномочий для написания де-факто сербской конституции [3]. Миссия его в Сербии, в целом, также была не слишком высоко оценена императором. В 1810 году в Белград прибыл генерал Егор Гаврилович Цукато, который принял у Родофиникина полномочия российского представителя по причине «полной неспособности последнего договориться с сербами».

Генерал сосредоточился на выполнении военных, а не дипломатических и организационных задач. В этом направлении его деятельность оказалась достаточно результативной, но не долгой. Ему удалось нанести поражение турецким отрядам у крепостей Бирза-Паланка и Праово. Кроме того, он предложил формировать из неорганизованных сербских кавалеристов отряды наподобие казачьих, буквально названные «сербскими казаками». Однако 10 августа 1810 г. Цукато погиб на земле Сербии от взрыва турецкой гранаты.

В декабре 1810 г. к командующему Дунайской армией Н.М. Каменскому прибыла сербская депутация, которая просила ввести в сербские крепости российские гарнизоны и прислать в Сербию двух чиновников для «сочинения законов, поскольку от произвола своих старейшин сербам много зла претерпеть довелось». Отдельно сербские депутаты просили, чтобы посланные министры были «природными русаками». Н.М. Каменский дал согласие на переправку в Сербию сильного корпуса, но предупредил, что имеет предписание из Петербурга не вмешиваться во внутренние дела сербов [11].

Ответственность за неуспех первой российской дипломатической миссии в Сербии лежит, естественно, не лично на Родофиникине, а на государственной власти России в целом, которая не имела адекватного представления о положении дел в Сербии и устремлениях сербского народа. На момент Первого сербского восстания интересы российской верховной власти на Балканах заключались не в защите угнетённого славянского православного населения от «нечестивых агарян», а в обеспечении непрочного мира путём сложных дипломатических интриг. Время показало неэффективность такой тактики [1].

К 1811 году российские власти начали осознавать те выгоды, которые могло принести России традиционно пророссийское расположение сербов. Петербург стал учитывать специфические условия, в которых находились сербские повстанцы, и некоторые особенности национального самосознания сербов. Однако геополитические реалии вынудили Россию избегать дальнейшей конфронтации с Турцией. Предвидя неминуемую интервенцию Наполеона в Россию, Александр I стремился заключить мир с Турцией как можно быстрее, по возможности сохранив за Россией непосредственно примыкающие к границам империи территории (Молдавию), взамен уступив туркам территории, более отдалённые. По условиям подписанного 5 мая 1812 года в Бухаресте мирного договора между Россией и Турцией, Сербии в перспективе предоставлялась автономия, об условиях которой сербы должны были договариваться с Турцией сепаратным образом. Возведённые сербами во время войны при участии России укрепления должны были быть

уничтожены, турецкие гарнизоны возвращались в крепости, существовавшие до войны.

24 июня 1812 г. армия Наполеона вторглась в Россию, поэтому к августу русские войска с территории Сербии были полностью выведены. Сербам, по условиям Бухарестского мира, оставалось лишь пассивно дожидаться возвращения турецких гарнизонов. При этом Сербия в очередной раз оказалась разменной картой в политических играх великих держав.

Предвидя разочарование сербских повстанцев, Петербург направил в Сербию видного российского военного деятеля и дипломата, графа Марко Ивелича, на которого была возложена сложная миссия – объяснить сербам, почему Россия их оставила, и вернуть их расположение, сохранив таким образом Сербию в российской орбите. Ему удалось выполнить поставленную задачу. Результатом деятельности Ивелича стала принятая на скупщине (народном собрании) присяга Сербии в вечной верности России и торжественный адрес на имя Александра I.

Итак, рассмотрев развитие российско-сербских отношений в годы Первого сербского восстания можно сделать следующие выводы. Россия сразу же, с первых выступлений повстанцев, проявила интерес к событиям на Балканах. Однако первоначально она согласилась оказать им лишь финансовую помощь, опасаясь, что дипломатическая, и уж тем более, военная поддержка сербов сильно осложнит российско-турецкие отношения.

После начала русско-турецкой войны в 1806 г. Россия значительно активизировала и расширила свою помощь повстанцам, став единственным внешнеполитическим, а с 1807 г. – и военным союзником сербов. Кроме того, Россия отправила в Сербию советника по делам государственного управления К.К.Родофиникина для оказания помощи в создании государственных структур. И хотя он достаточно критично отзывался о лидерах повстанцев, помощь в создании Правительствующего совета он им оказал.

После окончания русско-турецкой войны собственные геополитические интересы России заставили ее скорректировать свою позицию по Сербии. Конечно же, статья VIII Бухарестского мирного договора, которая касалась сербов Белградского пашалыка, не соответствовала не только требованию независимой Сербии, но и разработанной в первые годы восстания модели полной внутренней автономии (программы-минимум русской дипломатии в сербском вопросе). Но следует учесть, что Россия вынужденно пошла на уступки по сербскому вопросу. Кроме того, не стоит также забывать, что Бухарестский договор – тот общепризнанный международно-правовой акт, в котором Порты впервые признала права сербов Белградского пашалыка на внутреннюю автономию.

Ссылки и примечания

1. Россия и русские в истории Сербии. Часть 2 // Сайт «Русский мир». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russkiymir.ru/publications/85033/>
2. Доклад А. А. Чарторыйского Александру I о цели приезда сербской депутации в Петербург и с предложением об оказании сербам денежной и

- дипломатической помощи. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Perv_serb_vosst_1/21-40/31.phtml?id=8319
3. Скорб М.Г. Россия и становление сербской государственности в период русско-турецкой войны 1806 – 1812 гг. // Синергия. 2017. № 6. С.80. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-stanovlenie-serbskoy-gosudarstvennosti-v-period-russko-turetskoy-voyny-1806-1812-gg>
 4. Волкова О. Некоторые документы Архива внешней политики Российской империи по истории российско-сербских отношений в XIX - начале XX века // Международная жизнь. 2018. № 4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2008>
 5. Костяшов Ю.В. Сербь глазами русских в конце XVII – XIX веке // Балтийский акцент. 2015. Т.6. № 2-3. С. 87 – 96.
 6. Вестник Европы. 1808. Часть. 12. № 23 – 24. С. 164 – 165. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://drevlit.ru/docs/usl/XIX/1800-1820/Karageorg/text1f9ef.php>
 7. Донесение К. К. Родофиникина А. А. Прозоровскому со сведениями о внутривполитическом положении Сербии и необходимой ей помощи. 9 ноября 1807 г. Белград // Первое сербское восстание 1804 – 1813 гг. и Россия. Сборник документов в 2-х кн. М.: Наука, 1980. Кн.1. С. 431 – 432.
 8. Донесение К. К. Родофиникина А. А. Прозоровскому со сведениями о внутривполитическом положении Сербии и необходимой ей помощи. 9 ноября 1807 г. Белград // Первое сербское восстание 1804 – 1813 гг. и Россия. Сборник документов в 2-х кн. М.: Наука, 1980. Кн.1. С. 432 – 433.
 9. Сопов В.И. К вопросу о становлении сербской государственности во время Первого сербского восстания 1804 – 1813 гг. и позиции России // Славяне и Россия. 2017. №2. С.81 – 90.
 10. Аншаков Ю.П. Из истории русско-черногорских связей в конце XVIII – начале XIX вв. // Россия и Балканы из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.) / Ин-т славяноведения; редкол.: И.С. Достян (отв. ред.) [и др.] М.: Ин-т славяноведения РАН, 1995. С. 100-119.
 11. Брашић, М. Југословенске народње скупштине и сабори / М. Брашић. Београд, 1937. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:=scc>

УДК 94:352.07:37.014(477.6) «185/189»

О.И. Мармазова

кандидат исторических наук,

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского»

e-mail: marmazovaolga@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗЕМСТВАМИ В ДОНБАССЕ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием внешкольного образования в Донбассе земскими управами на примере школ и курсов для взрослого населения. Рассматриваются типы подобных учебных заведений, особенности их организации и работы.

Ключевые слова: *земство, воскресные школы, вечерние курсы, повторительно-дополнительные занятия.*

Summary

The article discusses issues related to the development of out-of-school education in the Donbass by zemstvo authorities on the example of schools and courses for adults. The types of such educational institutions, the features of their organization and work are considered.

Keywords: *Zemstvo, Sunday schools, evening courses, re-additional classes.*

Хотелось бы остановиться на тех сторонах общественной жизни Донбасса, которые составляют действительно культурно-общественное богатство нашего прошлого. К ним относится «Земство» и его «разнообразная и высокополезная работа». С момента своего создания в 1864 году, земства сыграли немалую роль в решении местных хозяйственных и культурных вопросов. Но основное внимание они уделяли развитию народного образования, стремясь наиболее широко охватить самые различные его отрасли и более или менее соприкасаясь с целым рядом сложных вопросов.

Одним из таких вопросов стала борьба с рецидивом безграмотности. Постепенное развитие начальной школьной сети, ежегодный рост численности выпускников земских народных училищ почти не оказывало влияния на массовую безграмотность населения. Земские управы полагали, что пока общий уровень грамотности не будет существенно поднят, до тех пор школьное образование не будет в состоянии кардинально улучшить ситуацию. С этой целью земства

обратились к эффективному способу воздействия на безграмотную среду – внешкольному образованию.

Целью данной работы является анализ деятельности земств Донбасса по организации и развитию внешкольного образования на примере школ и курсов для взрослого населения.

Школы для взрослых играли важную роль в распространении грамотности и в структуре внешкольных учебных заведений. В Российской империи к началу XX века выделилось несколько типов таких школ.

Элементарное образование неграмотные получали в воскресных и вечерних школах и курсах для взрослых. Самыми распространенными среди них были воскресные школы. Они возникли еще в конце 50-х годов XIX века как общественные учебные заведения. Утвержденных учебных программ не было, каждый желающий мог в них учиться: дети, неграмотные взрослые, грамотные желающие знать больше. Однако, в июне 1862 года правительством эти школы были запрещены, но не полностью [1]. Свою деятельность они возобновляют в 70-е годы XIX века. По положению о начальных училищах от 25 мая 1874 года товариществам и частным лицам разрешалось открывать воскресные школы «для просвещения лиц ремесленного и рабочего сословий, которые не имеют возможности обучаться ежедневно» [2].

Воскресные школы ориентировались на программу начальных народных училищ. Для их открытия было необходимо разрешение инспектора начальных учебных заведений и согласие главы училищного совета. Эти школы, обычно, не имели собственных помещений. Однако, после принятия циркуляра 1884 года о церковно-приходских школах и положения 1902 года, воскресные школы могли открываться только по разрешению епархиального училищного совета, что приводит к полному подчинению этих учебных заведений епархиальному начальству, ограничению программ преподавания. Все это препятствовало работе воскресных школ, тормозило их распространение, мешало работе передовых педагогов.

Еще одним типом внешкольных учебных заведений были воскресные и вечерние курсы, создание которых было возможно в соответствии с Положением о городских училищах 1872 года. Учебные планы курсов включали в себя, как и планы училищ на базе которых и разрешалось их открытие, такие предметы: закон божий, чтение, письмо, русский и церковнославянский языки, арифметика, практическая геометрия, природоведение. Преподавание оплачивалось, в то время как в воскресных школах нет [2].

Особой поддержкой правительства и духовного ведомства пользовались дополнительные классы для взрослых, которые функционировали при церковно-приходских школах. Правила регламентирующие их деятельность были приняты 13 июня 1884 года. В соответствии с ними открывать дополнительные классы для взрослых можно было только с разрешения епархиального архиерея, программы соответствовали программам церковных школ. В процессе преподавания использовались учебники и книги исключительно утвержденные синодом. Именно

это обстоятельство и тормозило развитие классов для взрослых этого типа, так как они не пользовались особой популярностью.

Повторительно-дополнительные классы функционировали при земских народных училищах. Идея создания подобных классов принадлежала барону Н.А.Корфу. После возвращения в Россию из-за границы в 1880 году, он провел в Мариупольском и Александровском уездах Екатеринославской губернии специальный замер уровня знаний у более чем 300 крестьян закончивших начальную школу, для того, чтобы выяснить уровень их грамотности. Результаты исследования привели Н.А.Корфа к мысли о необходимости создания сети повторительных классов для тех кто по каким-то причинам не завершил обучения и тех кто закончил школу давно. Подобные занятия, по его мнению, должны были проводиться бесплатно учителями местных начальных школ и местной интеллигенцией, теми кто стремился помочь развитию народного образования. Н.А. Корф разработал структуру этих классов, их учебные планы и многое другое. Кроме того, он способствовал открытию первых подобных повторительно-дополнительных классов при двух земских народных училищах (Времьевском и Майорском) [3].

Существовал еще один тип школ для взрослых – школы Российского технического общества, но численность их была незначительной. В 1899 году во всей стране их действовало только 22. Это были вечерние и воскресные профессионально-технические курсы, и классы.

Несмотря на всю важность внешкольного образования для взрослого населения, стремясь ограничить их просветительское значение, Министерство образования в 1902 году издает правила об уроках, учреждаемых при учебных заведениях. В соответствии с ними, эти уроки для взрослых могли открываться при начальных министерских училищах, городских (по Положению 1872 года) и ремесленных училищах только при условии полного соответствия учебных предметов и программ их преподавания перечню учебных предметов и программ базового учебного заведения.

После освободительного движения в эти правила были внесены существенные изменения, благодаря которым «уроки» для взрослых могли учреждаться как при учебных заведениях, так и отдельно от них и не только с курсом предметов существующих учебных заведений. Принятые новые Правила от 20 марта 1907 года еще больше улучшили положение школ для взрослых. В соответствии с ними учебные программы были значительно расширены. В качестве специальных предметов вводились история, география, природоведение, литература. В некоторых школах, по желанию посетителей, преподавались физика, химия, геометрия и др. [2].

Земства в Донбассе в основном открывали воскресные школы при народных училищах, повторительно-дополнительные классы, оказывали финансовую помощь школам для взрослых, которые организовывались различными общественными организациями и частными лицами. В отчете за 1903 год Бахмутская уездная земская управа подчеркивала значение организации курсов и школ: дать возможность получившим образование укрепить его и научить грамоте тех, кто не смог этого сделать [4].

Как уже отмечалось выше, организация повторительно-дополнительных классов была связана с именем Н.А.Корфа. Занятия, организованные при Времьевском и Майорском училищах, проходили при его поддержке. Работали они в воскресенье, плата учителям составляла 2 руб. Численность подобных классов росла. Однако, в конце 80-х годов XIX века проведение таких занятий затрудняется. Как отмечалось на заседании Мариупольской уездной земской управы в 1887 году, такие занятия «не пошли» так как «взрослым молодым людям проводились такие же уроки, как и детям в начальной школе» [5]. Кроме того, на заседании обращали внимание на то, что когда, после успешной работы первых повторительных классов, Н.А. Корф предложил открыть такие же еще при 8 училищах, «то лучшие работники из учителей отказались их проводить, утверждая, что это физически невозможно». По мнению Мариупольской управы, такие занятия могли существовать только так, как они функционировали в Александровском уезде. Там были организованы ежедневные вечерние курсы с отдельным учителем, и, кроме того, передвижные, так как контингент слушателей в одном селе быстро исчерпывался. По этой же причине, как подчеркивалось на заседании управы, после 2-3 лет работы закрывались воскресные курсы в Мариупольском уезде [5]. В Екатеринославской губернии в начале XX века повторительно-дополнительные занятия проводились в форме вечерних классов.

В Бахмутском уезде вечерние курсы для взрослых в начале XX века существовали при 2-х классном училище на содовом заводе и ртутно-рудничном начальном училище. Преподавателей было 4, курсистов 81 человек (в 1903 году). Затраты земства на их содержание составляли 50 руб. В 1903 году были закрыты воскресные школы на Щербиновском заводе и в городе Бахмуте из-за отсутствия желающих. Но в 1904 году они возобновили свою деятельность [4].

Количество повторительно-дополнительных занятий в Екатеринославской губернии было выше по сравнению с другими левобережными губерниями. Наибольшей численности они достигли в 1905 году – при 49 училищах (на 12 больше по сравнению с 1903 годом) [6]. В отчете губернской управы отмечалось, что в 1905 году вечерние повторительно-дополнительные занятия открыты были в 17 новых пунктах, закрыты в 5 из-за отсутствия свободного времени у преподавателей. Занятия начинались осенью и завершались весной. Обучение продолжалось 30-80 дней. Управа подчеркивала: «Несмотря на то, что не всегда преподавание на курсах было хорошим и не всегда достигались желаемые результаты, тем не менее такие вечерние курсы несомненно полезны в деле распространения и закрепления грамотности среди населения» [6]. В 1908 году управа отмечала, что одна часть вечерних курсов была ориентирована на неграмотных и малограмотных, другая имела характер повторительно-дополнительных занятий.

Воскресные школы открывались по инициативе земств, при их активной финансовой поддержке. В 1911 году, например, при земских начальных училищах функционировали три воскресные школы: при Авдеевском двухклассном, Лисичанском двухклассном и Серебрянском одноклассном. Учебный год состоял из

51 дня, 132 учебных часов. Посещали их 107 учеников. Предметом изучения было чтение и письмо по программе начальных одноклассных школ [7].

В целом, численность воскресных школ и повторительно-дополнительных занятий в Екатеринославской губернии постоянно изменялась. Так, например, в 1897 году в губернии работало всего 3 воскресные школы [8], в 1903 году уже 12 (наибольшее количество) [6]. В годы революции отмечается уменьшение количества школ с 11 в 1905 году до 4 в 1907 году [9], а в 1911 году – 9 [7]. Так же менялась численность и повторительно-дополнительных классов: в 1903 году – 37, в 1905 году – 49 (наибольшее количество), в 1907 году – 47, в 1911 году – 13 [6, 7, 9]. Такие колебания были связаны со сложным правовым и материальным положением, иногда с отсутствием желающих посещать занятия.

Таким образом, земские управы Донбасса были инициаторами и организаторами внешкольной работы со взрослым населением с целью борьбы с безграмотностью и ее рецидивами. Они открывали различные типы школ и курсов для взрослых или же оказывали материальную помощь при их создании. Несмотря на то, что количества этих школ и курсов для взрослых было явно не достаточно для охвата всего неграмотного населения, что они постепенно теряли свое значение, воскресные школы, вечерние курсы, повторительно-дополнительные занятия были действенным способом борьбы с рецидивами безграмотности, способствовали сохранению результатов всей школьной работы.

Ссылки и примечания:

1. Чехов Н.В. Типы русской школы в их историческом развитии. М.: т-во «Мир», 1923. 224 с.
2. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР конец XIX – начало XX века. М.: Педагогика, 1981. 256 с.
3. Журнал Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайной сессии 20 марта 1903 года. ДонОГА. Ф.110. Оп.1. Д.24.
4. Отчет Бахмутской уездной земской управы за 1903 год. Ч.1. Бахмут: типо-лит. М.М.Крамарева, 1904. 398 с.
5. Протоколы Мариупольского уездного земского собрания очередной и чрезвычайной сессии 1887 года (с приложениями). Мариуполь: тип. Франтова, 1888. 356 с.
6. Отчет Екатеринославской губернской земской управы за 1904 год. Народное образование. Екатеринослав: тип. губ. земства, 1905. 200 с.
7. Отчет Екатеринославской губернской земской управы за 1911 год. Народное образование. Екатеринослав: тип. губ. земства, 1912. 1430 с.
8. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 год. Спб.: т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1898. 303 с.
9. Отчет Екатеринославской губернской земской управы за 1907 год. Народное образование. Екатеринослав: тип. губ. земства, 1908. 201 с.

УДК 94 (477) «1917-1918»

Ю.Р.Федоровский

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени В.Даля»

e-mail: zonnenberg@lds.net.ua

ВОСПОМИНАНИЯ ИВАНА НИКОЛАЕНКО КАК ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ДОНБАССЕ

Аннотация

В статье рассматривается и анализируется текст воспоминаний И.Николаенко о событиях революции 1917 г. на Луганщине. Проводится сравнение архивного первоисточника с текстом, напечатанным в 1926-28 в журнале «Летопись революции». Автор приходит к выводу, что публикаторы сильно исказили первоначальный текст, подвергнув его значительной идеологической цензурной правке. Он считает необходимым переиздать этот ценный источник в восстановленном по архивной рукописи виде.

Ключевые слова: Революция, Совет, комитет, цензура, Истпарт.

Summary

This article considers and analyzes the text of I.Nikolaenko's memoirs about the events of the 1917 revolution in the Lugansk region. A comparison of the archival source with the text printed in 1926-28 in the journal "Annals of the Revolution." The author concludes that the publishers greatly distorted the original text, subjecting it to significant ideological censorship revision. He considers it necessary to republish this valuable source in the form restored from the archival manuscript.

Keywords: Revolution, Council, Kommittee, censorship, Istpart.

Одним из важнейших направлений современной исторической науки является т.н. «микроистория», а также история родного региона. Для Луганской Народной Республики, как молодого государства, только начинающего выстраивание собственной концепции исторического происхождения, данное направление имеет особое значение. В связи с этим источники личного происхождения играют важную роль при ее изучении. И здесь никак нельзя обойтись без использования воспоминаний, как исторического источника, ведь они в большей степени раскрывают исследуемую тему. К тому же, можно согласиться с известным историком Р.А. Медведевым, который говорил: «наша отечественная история гораздо меньше отражена в документах, чем в умах людей... Нам в помине не был присущ немецкий педантизм, когда в документах фиксируется все до

мельчайших подробностей... В нашей истории такая точность отсутствует, многие архивы уничтожены, нет и никогда не было многих важных документов». И если с одной стороны, воспоминания скудно освещают такие стороны истории, как например экономические факты (для этого у нас есть статистика, отчеты и др.), то, с другой стороны, мемуары очень важны в отображении таких событий как быт, особенности духовной жизни, не освещенные в официальных документах или уничтоженные, настроения масс, биографии забытых деятелей и т.д.

Одним из полузабытых деятелей Революции и начального периода Советской власти является наш земляк, луганчанин Иван Игнатьевич Николаенко. Он родился в 1886 г. С 10 лет работал на паровозостроительном заводе Гартмана, с 1905 года в революционном движении, вступил в РСДРП. После Февральской революции был избран депутатом первого Луганского Совета от РСДРП(б), стал председателем железнодорожного завкома. В марте-апреле 1918 был наркомом путей сообщения в Луганском областном СНК. Участник гражданской войны, потом организатор милиции, председатель уездной ЧК, к 1923 дослужился до наркома внутренних дел Украинской ССР. В 1924 переведен на хозяйственную работу. В годы «культы личности» был безосновательно репрессирован, в 1937 по постановлению «тройки» УНКВД расстрелян в Челябинске. В 1959 полностью реабилитирован, 21.12.1988 решением КПК при ЦК КПСС восстановлен в партии (посмертно).

Помимо активной государственно-политической деятельности Иван Игнатьевич был замечательным мемуаристом и написал ряд работ по истории революционного движения на Луганщине. Изучив архивные фонды ЛНР, мы можем с уверенностью сказать, что именно Николаенко дал наиболее полную картину революционных событий 1917 – начала 1918 гг. в нашем регионе. Другие авторы (С.Погребной, Н.Третьяков, Б.Оловягин и др.) откровенно не дотягивают до его уровня ни объемом работ, ни шириной охвата событий.

В 1926-1928 гг. в журнале Истпарта КП(б)У «Летопись революции» были опубликованы ряд статей-воспоминаний И.Николаенко о революционной работе в Луганске [1]. К сожалению, после его гибели в ходе необоснованных политических репрессий эти работы на долгие годы ушли в спецхран и только в наше время стали доступными для изучения. Представленная в них полная картина живой революционной активности ключевого периода нашей истории, еще не загнанная в жесткие рамки сталинского «Краткого курса», достойна всяческих похвал.

Однако, в процессе работы в Госархиве ЛНР автором были найдены оригинальные исходники воспоминаний Николаенко, заверенные его подписью. И тут внезапно обнаружилось, что печатный и архивный тексты имеют довольно значительные расхождения. К сожалению, архивные тексты воспоминаний не были сосредоточены в одном деле, а рассеяны в копиях по разным. Автору пришлось проделать довольно значительную работу по сбору и сведению всех доступных глав в единый текст. При этом выяснилось, что неведомые редактора не только «приглаживали» текст рукописи, но и произвольно меняли порядок разделов, кое-что дописывали, вставляли свои заголовки и т.п. Например, оригинальное название

раздела «Контрреволюция организуется» было заменено в журнале на «От июля к корниловскому восстанию». Название «Октябрьская революция» было заменено на «Первые месяцы Соввласти».

Очень многие куски текста были вообще выброшены, ибо не вписывались в парадно-официальную картинку «триумфального шествия Советской власти». Текст был довольно сильно сокращен, переделан и отредактирован. Менялись местами или заменялись слова и целые абзацы. Изымались многие яркие детали, живой непосредственный язык изложения шлифовался и лакировался в сторону казенного канцелярита. Например, искреннее слово «удрать», которое всегда применял автор, заменено везде нейтральным «сбежать». Некоторые исправления чисто редакционного характера могут быть поняты и приняты (например, удаление таких оборотов, как «между прочим», «за малым», которыми Николаенко явно злоупотребляет), но значительная часть правок носят явно тенденциозный идеологический характер, направленный на сглаживание острых моментов, не вписывающихся в каноны официальной сталинистской историографии. Это касается, например, вычеркивания «неудобных» фамилий (расцветшая в позднейшие годы практика «анонимизации» истории, когда имена репрессированных сначала просто вычеркивались, а потом вообще просто перестали упоминаться), натуралистичных эпизодов, некомплементарных отзывов о Ворошилове (региональный культ которого уже начал складываться) и др.

Приведем несколько наглядных примеров правок

В разделе «Борьба за массы» удалена фамилия И.Велигуры, которого Николаенко, между прочим, рекомендует как «толкового работника». В разделе «Октябрьская революция» удалена фамилия тов. Субботы, перешедшего к большевикам из украинского движения.

В разделе «Выборы в городское самоуправление» удалены упоминания Пуришкевича и Шульгина. Там же изъят большой пассаж о том, что «В Луганске очень распространено среди рабочих мелкое домовладение и по настоящее время...». Также сильно сокращен список избранных в городскую думу большевиков. Убрана характеристика местных эсеров и меньшевиков «Украсивших своими именами список кандидатов в гласные думы» и пассаж «В городе получилось некоторое двоевластие, с одной стороны горисполком с меньшевиками и комиссаром временного правительства во главе, с другой – городская дума с большевистским большинством».

В разделе «Контрреволюция организуется» была купирована характеристика эсеров, которые на паровозном «заводе исстари пользовались популярностью». Сильно сокращена позитивная характеристика Ю.Лутовинова, которого Николаенко признавал «одним из самых сильных работников от организации большевиков». Удален абзац о «базарной агитации» луганскими рабочими пригородных крестьян.

В разделе «Борьба против войны» вырезана живая сценка публичной продажи местными буржуями портрета Керенского в целях сборов денег на войну, «что тогда часто практиковалось».

Подвергся сильному сокращению раздел «Организация Комитета спасения революции». Полностью удалено описание допросов арестованных офицеров, в частности полковника Ратаева, и простодушное удивление автора их глупости. Вырезано упоминание о выступлении большевика Андриенко и даже текст первого воззвания Комитета.

В разделе «Организация Красной Гвардии» удален эпизод о встрече луганских депутатов «первого с'езда рад в Киеве» И.Лозового и Черидиченко с одним из руководителей Центральной Рады В.Винниченко, хотя он и был изложен автором И.Николаенко весьма саркастически.

В разделе «Большевизация власти» купировано признание: «соглашатели до этого пользовались неоспоримым авторитетом. Достаточно все-же мне было включить в списки эсера Стрижевского и список, состоящий из 2 большевиков и одного соглашателя, был принят единогласно».

Если в архивном исходнике Николаенко честно воспроизводит все доступные ему тексты партийных деклараций, оглашенные на открытии городской думы [2], то в журнальной публикации они все, кроме большевистской, были удалены и заменены очень кратким и крайне тенденциозным изложением: «От об'единенной фракции меньшевиков и „Бунда“ выступил Римский. Декларация меньшевиков начиналась констатированием „безнадежной болезни России“, как государства. Далее указывалось, что все, противоречащее „ортодоксальному марксизму“, встретит со стороны меньшевиков „решительный отпор“. Фракция обещала оказать своим „вотумом“ давление на правящие круги в целях скорейшего окончания войны и затем расплылась в проектах различных реформ, вплоть до пожарного дела. Никакой политической перспективы в такой решительный и боевой момент — между июльским выступлением и корниловским восстанием — обанкротившиеся оппортунисты не давали. С дополнительным заявлением, столь же политически содержательным, выступил от „Бунда“ Этуш. Декларацию эсеров зачитал Стрижевский. Со свойственной этой партии способностью пышными фразами прикрывать убогость своей политической программы, представитель эсеров продекларировал о родине, революции и „вековечном мире народов“. Единственной конкретной мерой, о которой он упомянул, было предложение о социализации земли, но и тут говорилось лишь „о подготовке условий к осуществлению наших стремлений“. Огласили свою декларацию также кадеты» [3].

В разделе «Организация Луганского Совнаркома» исчез фрагмент с весьма наглядной характеристикой деятельности руководителя местной ЧК Григория Иванова по сбору денег: «когда тоже упорствующий купец Ковшов уже сидел в Следственной Комиссии, не желая выплатить наложенную контрибуцию, гр.Иванов вызывал его к себе и говорил ему тихим спокойным голосом: «Вы с нас брали днем и ночью, а нам на удовлетворение издержек революции не хотите ничего дать. Хорошо, сегодня мы вас отправим в тюрьму». Купец не выдерживал, так как в тюрьму водили через Преображенскую площадь, где неоднократно

арестованными, к слову сказать, делались безуспешные попытки к побегу, часто кончающиеся трагически для самих арестованных» [4]

В разделе «Гражданская война» (подзаголовок журнала «Борьба с белогвардейцами и анархистами») полностью вырезан кусок текста с описанием расстрела доставленных из Каменска в Луганск 22 казачьих офицеров. Николаенко простодушно сообщает: «Отпускать их в то время означало усилить врага». И с этим жестоким эпизодом соседствует почти комическая история о визите в Луганск бронепоезда матросов-анархистов, которые, прибыв в город, потребовали от Исполкома «для всей команды кожаные костюмы...; в дополнение к этому они также требовали дамское изящное белье, шелковые чулки, [несколько тысяч презервативов,] вина и всякой прочей снеди». Квадратными скобками мной отмечены слова, отцензурированные редакцией «Летописи революции». Далее Николаенко пишет: «На этом собрании, созванном по их просьбе, было не мало курьезов, которые теперь служат материалом для анекдотов и рассказов Зоценко» (в журнале фамилия Зоценко исчезла, стало просто: «юмористических рассказов»).

Впрочем, неведомые редактора не только вырезали, но и вписывали. В разделе «Организация Луганского Совнаркома» (заголовок тоже дан редакцией) неведомо откуда появилась фраза «Тов. Ворошилов в это время уже оперировал с красногвардейским отрядом», которая отсутствует в архивном первоисточнике.

В разделе «Демонстрация солидарности» аналогично появился абзац про инцидент «во время выступления т. Ворошилова, которому не давали говорить».

Ну и наиболее вопиющим примером цензурной правки автор считает следующий. С довольно ранних времен в советской историографии муссируется тезис о созданном в середине мая 1917 года Луганском районном Бюро Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который возглавил Ворошилов [5]. Это рассматривалось советскими авторами как пример растущего влияния большевиков. Данный тезис продолжил существование и в литературе постсоветского периода [6].

Первоисточником этого утверждения является журнальная публикация И. Николаенко «Февральская революция в Луганске» в «Летописи революции» №4 за 1927 год, где в разделе «Борьба против войны» напечатан текст: «Еще в мае месяце по инициативе большевиков была созвана уездная конференция советов рабочих депутатов, на которой для обслуживания уезда было организовано уездное бюро совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это бюро возглавлялось т. Ворошиловым. Кроме него, в состав бюро вошли от большевиков Вобликов (Вольский), Бродский, приближавшийся к интернационалистам, с.- р. Павлович и меньшевик Захарович».

Однако в архивном первоисточнике текст выглядит совсем по-другому: «По инициативе большевиков была созвана районная конференция, на которой для обслуживания всех вопросов жизни района было организовано Бюро Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это бюро возглавлялось тов. Бродским – штейгером по профессии [подчеркнуто мною. Автор] и тов. Вобликовым, который был введен в это бюро по следующим соображениям...» [7].

Таким образом, по нашему мнению, мы имеем здесь один из самых ранних известных примеров переписывания воспоминаний в угоду конъюнктуре. Напомню, тов. Ворошилов в 1927 году уже работал наркомом по военным и морским делам СССР и членом Политбюро ЦК ВКП(б). А вот луганский меньшевик-интернационалист Бродский к тому времени уже полностью исчез из поля зрения музы нашей, божественной Клио. И вот легким движением редакторских ножниц, председатель Бродский заменяется председателем Ворошиловым. Очевидно, не зря вышеуказанная публикация сопровождалась примечанием «Ст. т. Николаенко была просмотрена группой луганских работников при Истпарте ЦК КП(б)У. По их указаниям сделаны некоторые поправки и примечания. – Ред.» [8].

Резюмируем: проверить, кто же возглавлял пресловутое районное (или уездное) бюро Советов возможно только по аутентичным источникам того периода, то есть 1917 года. И мы имеем такую возможность. В газете «Донецкий пролетарий» помещались репортажи о работе исполнительного бюро Луганского районного комитета Советов. И председателем бюро там указан... Бродский [9]. Также мы имеем публикацию списка кандидатов от РСДРП (б) в городскую думу, где под №1 значится Ворошилов К.Е. с перечислением всех его должностей. В том числе: «Председ. Луганск. К-та Р.С.Д.Р.П., Председ. Раб. секц. Центр. Примирит. Камер., Член Район. Бюро С.Р.С. и К.Д.» [10]. Аналогичный текст воспроизведен и в архивном тексте воспоминаний Николаенко [11]. Итак, мы имеем документальное подтверждение двух фактов: председатель бюро – Бродский, Ворошилов же – простой член.

Таким образом, мы приходим к определенному выводу: Ворошилов не был председателем районного бюро Советов. Данный пост ему приписали задним числом. Следы формирующегося регионального мини-культа заметны и в других «редакционных приписках». Например, в том же разделе чуть ниже в журнальной публикации появился целый абзац, отсутствующий в архивном источнике: «Популярность бюро вскоре так возросла, что оно, не обладая никакими административными правами, стало центром, куда стекались всякого рода заявления...».

Далее, в разделе «Организация Луганского Совнаркома» Николаенко дает довольно нелицеприятную характеристику сформированному Ворошиловым в феврале 1918 в Луганске «Первому Социалистическому отряду», прославленному в советской историографии, особенно сталинского периода.

Исходя из вышеизложенного, существует очевидная потребность переиздания воспоминаний И.Николаенко в восстановленном виде. Следует очистить первоисточник от всех тенденциозных идеологических редакторских правок и опубликовать текст в первоизданном виде. Ибо, как уже было сказано, данные мемуары представляют собой наиболее полный и яркий очерк революционных событий на Луганщине в исторический период 1917-18 гг.

Разумеется, воспоминания по сути своей — это не только бесстрастная фиксация событий прошлого, но и раздумья личности, они по большей степени

субъективны, что однако, не уменьшает их значимость как исторического источника, ведь именно воспоминания несут неповторимый дух и колорит той суровой эпохи, о которой повествует мемуарист, отображают господствовавшие в обществе в тогдашний момент истории настроения, несут отпечаток личности повествующего, позволяют узнать те моменты, о которых не написано в официальных документах. Поэтому работа И. Николаенко не должно пропасть в неизвестности. Автор намерен довести до конца работу по подготовке текста воспоминаний к печати в максимально приближенном к исходнику виде.

Ссылки и примечания:

1. Революционная работа в Луганских ж.-д. мастерских // Летопись революции. 1926. № 5 с. 152—175; Февральская революция в Луганске // Летопись революции. 1927. № 3 с. 26-41, № 4 с. 32-49; Подготовка Октября в Луганске // Летопись революции. 1927. № 5-6 с. 190—208; Гражданская война в Луганске // Летопись революции. 1928. № 1 с. 202—213.
2. Госархив ЛНР. Ф. П-2. Оп.1. Д.337. Л.46-58; Ф. Р-2761. Оп.1. Д.137. Л.102-105.
3. Летопись Революции. 1927. №4. с.44-45.
4. Госархив ЛНР. Ф. П-2. Оп.1. Д.337. Л.66.
5. Краткий очерк революционного движения на Луганщине. (1900-1920). Луганск, 1928. С.22; Гончаренко Н.Г. Советы Донбасса в 1917 г. Сталино: облиздат, 1957. С. 59; Гончаренко Н.Г. Октябрь в Донбассе. Луганск: облиздат, 1961. С.107; Ваткевич В. Луганські більшовики в Жовтневій революції. К.: Держполітвидав, 1960. С. 27; Історія міст і сіл Української РСР. Луганська область. К., 1968. С.27; Гончаренко Н.Г. В битвах за Октябрь. Донецк: Донбасс, 1974. С.68; Акшинский В.С. Ворошилов. М.: Политиздат, 1974. С.41; История городов и сел Украинской ССР. Ворошиловградская область. К., 1976. С.28.
6. История Луганского края. Ефремов А.С., Курило В.С. и др. Под ред. В.С.Курило. Луганск: Альма-матер, 2003. С. 299-300; Климов А.О. Історичні краєзнавчі розвідки. Луганськ, 2010. С.27.
7. Госархив ЛНР. Ф. Р-2761. Оп.1. Д.137. Л.143 об.; Ф. П-2. Оп.1. д.337. Л.31-32.
8. Летопись Революции. 1927. №4. с.32.
9. Донецкий пролетарий. 1917. 30 июля.
10. Донецкий пролетарий. 1917. 14 августа.
11. Госархив ЛНР. Ф. Р-2761. Оп.1. Д.137. Л.191 об.; Ф. П-2. Оп.1. д.337. Л.42.

УДК 94:342.5(477.6) «1917/1921»

Э.Ф. Смеричевский

кандидат философских наук,

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М.Горького»

Д.А. Коржова

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М.Горького»

В.Ю. Белоусова

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М.Горького»

e-mail: darya.korzhova.1984@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОРОССИИ В ПЕРИОД 1917 – 1921 ГГ.

Аннотация

В статье рассматривается становление Новороссии в период 1917 – 1921 гг. Определены границы существования Новороссии в рассматриваемый период. Изучены этапы становления Донецко-Криворожской республики.

Ключевые слова: *Новороссия, Донецко-Криворожская республика, советская Украина, Временное правительство, Октябрьская революция.*

Summary

In our article we want to investigate the question of process of foundation of the state Novorossia. Between the period of time 1917-1921. with the help of historical we can mark the boundares of the state. And we can research every stage of foundation of Donetsk- KryvyiRih Republic.

Keywords: *Novorossia, Donetsk- Kryvyi Rih Republic, Soviet Ukraine, provisional government, October Revolution.*

Новороссия до советских времен представляла собой административно-территориальную целостность и охватывала земли нынешних Юго-Восточных областей Украины — от Харькова до Одессы.

Как административная единица (губерния) Новороссия существовала в 1764–1783 гг. (19 лет), затем в 1796–1802 гг. (6 лет) и очень непродолжительное время в 1919–1920 гг. после свержения монархии в России как Новороссийская область Вооруженных сил Юга России (под властью белых). Дольше просуществовало Новороссийско-Бессарабское генерал-губернаторство (1822 (1814) — 1874), однако это было лишь военно-административные объединение нескольких (состав менялся) южных губерний для контроля военными пограничья с Османской империей [2, с. 95].

Границы перечисленных административно-территориальных образований существенно отличались друг от друга. Так, очертания первой (наиболее долго просуществовавшей) губернии совершенно не напоминает ареал нынешних юго-восточных областей Украины. В составе Новороссийской губернии был исконно украинский город Полтава, а административным центром служил Кременчуг. Будущий Славянск (тогда называвшийся Тор) находился в соседней Слободско-Украинской губернии. В 1775 г. из Новоросии изъяли все левобережные территории кроме Полтавщины (а это будущие земли Донбасса) и передали их в состав Азовской губернии. Появления Одессы первая губерния не застала и вообще на будущую территорию Одесской области не распространялась.

Большую часть своей истории Новороссия существовала не как административное, а скорее, как географическое понятие. Обычно к ней причисляли Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии, но не только. Стоит отметить, что при всех вариантах территориальной конфигурации Новороссия никогда не включала в себя Слобожанщину вообще и Харьков или, например, север Луганской области в частности. Зато к Новороссии относили такие, принадлежащие теперь Российской Федерации территории, как Дон, Кубань, Ставрополье. Считался Новороссией и Крым.

В декабре 1917 г. большевики, находясь в Харькове, провозгласили (но не установили) советскую власть на всей территории Украины в пределах III Универсала Центральной Рады (то есть, и на Донбассе). После того как советское украинское правительство выехало в захваченный красными Киев, другая группа товарищей заявила в Харькове «о выделении Донецкого Бассейна». Имелось в виду создание автономной советской республики, правда, она так и не обрела единого согласованного наименования. Употреблялись такие названия как: «Донецкая Республика», «Донецкая республика Советов», «Республика Донецкого и Криворожского бассейнов», «Федеративная республика Донецкого бассейна», «Донецкая Федерация». В историю это образование вошло под названием «Донецко-Криворожская республика» (ДКР).

Говорить о четком территориальном размежевании между советской Украиной и ДКР не приходится. Харьковские большевики претендовали на обширные территории Левобережной Украины и Донбасса, а киевские – на всю Украину, включая большинство земель ДКР. В своей правоте были уверены, как представители советской Украины, так и руководство ДКР. Фактически же в каждом «советском» уезде власть принадлежала местным советам, никому не подчинявшимся.

В середине марта 1918 г. на Втором всеукраинском съезде советов большевики заявили, что рассматривают «Украинскую Советскую Республику как республику федеративную, объединяющую все советские объединения — вольные города и республики, как автономные части Украинской Федеративной Советской Республики» [1, с. 81]. В последующих решениях было подтверждено вхождение ДКР в состав советской Украины.

Вскоре советская власть на территории Украины пала, а на Донбассе установилась гетманская администрация. Руководители ДКР выехали в Россию. Позже многие из них проявили себя как руководящие деятели советской Украины и Коммунистической партии (большевиков) Украины.

Во время второго наступления большевиков на Украину, в январе 1919 г. советское правительство Украины (Совнарком) своим декретом объявило о создании Донецкой губернии (в составе Бахмутского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии), ставшую основой экономического объединения Донбасса, вместо ДКР.

10 марта 1919 г. украинский Совнарком утвердил «Договор о границах с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой», подтверждающий, что территории дореволюционных Харьковской и Екатеринославской (а, значит, и упомянутой выше Донецкой) губерний являются составной частью Украины.

После Февральской революции 1917 года в России творилось примерно то же самое, что можно было наблюдать в феврале 2014 на Украине (государственный переворот). К власти пришло совершенно нелегитимное Временное правительство, составленное из парламентариев, самолично подготовивших переворот [1, с. 82]. Возникший после февральской революции 1917 года хаос в стране породил на территории России более 100 местных советов, которые весьма условно подчинялись Временному правительству.

В числе таких советов была и Украинская Центральная рада в Киеве, которая тут же предъявила претензии не только на всю Малороссию, но и вообще на весь юго-запад страны. В конце концов, занятое удержанием собственной власти Временное правительство послало в Киев делегацию, возглавляемую министрами Терещенко и Церетели, которая 3 июля 1917 года признала автономию Украинской Центральной рады в обмен на собственное признание.

Однако, Центральная Рада Новороссию в это время не контролировала, как, впрочем, и Центральную Украину.

Вскоре после Октябрьской революции в конце 1917 года в Харькове была провозглашена Украинская Народная Республика Советов. В начале 1918 года на этой территории образовались Донецко-Криворожская и Одесская советские республики, фактически входившие отдельными субъектами в состав РСФСР.

Однако последовавший весной 1918 года ввод немецких войск привёл к вхождению этих земель в состав Украинской Народной Республики. В то же время прошло присоединение Донецко-Криворожской республики к Украинской советской республике. Окончательно же это решение приобрело силу в феврале 1919 года, когда было принято решение о ликвидации Донецко-Криворожской республики.

В ходе дальнейшей борьбы советскую власть с Украины на какое-то время изгнали практически полностью, и территорию контролировали белые армии, повстанцы-анархисты под руководством Нестора Махно и другие силы. Однако в 1920 году в результате наступления Красной Армии все они были ликвидированы.

Новороссийские области вошли в состав УССР (Украинской Социалистической Советской Республики) со столицей в Харькове (где она оставалась до 1934 года), а потом в Киеве.

Ссылки и примечания

1. Шишкин В.А. (ред.), Мусаев В.И., Рупасов А.И., Смолин А.В. и др. Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.). СПб.: Наука, 1995. 395 с.
2. Бондаренко Д. Я., Крестовская Н. М. Взаємовідносини Тимчасового Уряду та Української Центральної Ради: правовий аспект// Вісник Інституту внутрішніх справ. Одеса, 1999. № 4. С. 79 – 85.

УДК 336.2

В.Ю. Даренский

доктор философских наук, профессор,

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко»

e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ НА ДОНБАССЕ В 1919 г.: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация

В статье рассматриваются социальные предпосылки успехов Добровольческой армии на Донбассе в 1919 году (преимущественно на мемуарном материале). Особое внимание уделено событиям в Луганске. Показаны тенденции массовых настроений населения в этот период.

Ключевые слова: Добровольческая армия, Донбасс, 1919, общество.

Summary

The article examines the social prerequisites for the success of the Volunteer army in the Donbas in 1919 (mainly based on memoir material). Special attention is paid to the events in Luhansk. The trends of mass moods of the population in this period are shown.

Keywords: Volunteer army, Donbass, 1919, society.

Наступление Добровольческой армии на Донбассе в 1919 году является ценным предметом исследования, поскольку показывает социальные процессы периода Гражданской войны. Участник этих событий полковник Б.А. Штейфон в книге «Кризис добровольчества» (Белград, 1928) дал такую характеристику

сложившейся ситуации: «Несмотря на крайне печальное общее состояние советских войск... красное командование все же имело немало преимуществ по сравнению с нами. Оно обладало громадным, многомиллионным человеческим резервом, колоссальными техническими и материальными средствами, оставшимися как наследство после Великой войны. Это обстоятельство и позволяло красным направлять все новые и новые части для овладения Донецким бассейном. Как ни превосходила белая сторона и духом, и тактической подготовкой, все же это была лишь небольшая горсточка героев, силы которых уменьшались с каждым днем. Имея свою базу Кубань, а соседом – Дон, то есть области с ярким казачьим укладом, генерал Деникин был лишен возможности пополнять казачьими контингентами свои части в мере их действительной потребности. Его мобилизационные возможности ограничивались главным образом офицерскими кадрами и учащейся молодежью. Что касается рабочего населения, то призыв его в войска был нежелателен по двум мотивам: во-первых, по своим политическим симпатиям шахтеры не были явно на белой стороне и потому являлись элементом ненадежным. Во-вторых, мобилизация рабочих немедленно уменьшила бы добычу угля» [7, с. 6]. Данная характеристика может быть признана верной только в самом общем виде, однако рассмотрение конкретных материалов по истории наступления Добровольческой армии на Донбассе в 1919 г. заставляет сделать к ней очень существенные поправки. Главная из них состоит в том, что Добровольческая армия на самом деле смогла нанести поражение красным на Донбассе в 1919 году первую очередь за счет значительной поддержки местного населения – как казаков, так и горожан, в том числе и шахтеров. В ходе боев за Донбасс Донецкая группа войск генерала В.З. Май-Маевского несмотря на большие потери, тем не менее, увеличилась в численности с 9600 до 26 тыс. человек за счет новых добровольцев из числа местного населения. Как отмечает луганский историк и краевед Юрий Чепурнов, это «увеличение произошло не только за счет мобилизованных, Добровольческой армией она ведь называлась ввиду того, что основу ее составляли именно добровольцы»; «по книгам и фильмам кочует стереотип – все рабочие либо большевики, либо им сочувствующие. Рабочие разные были... Опорой Добровольческой армии являлась корниловская дивизия, из четырех ударных полков состоявшая. 4-й ударный полк состоял из шахтеров Донбасса» [5]. Как известно, наиболее крупные и известные пролетарские части Белой армии составляли дивизии ижевских и воткинских рабочих, поднявшие восстание против большевиков и сформировавшиеся самостоятельно. Судя по всему, и на Донбассе имел место похожий процесс. Целью данной статьи является рассмотрение социальных предпосылок успехов Белой армии на Донбассе в 1919 году.

О положении в Луганске к концу 1918 года городской голова Бармин докладывал командующему Донской Армией ген.-лейтенанту С.В. Денисову: «Находящиеся в восставших местностях германские войска сопротивления большевикам не проявляют... Германское командование отказывалось уступить

инициативу охраны порядка в городе мне... Но к вечеру 5 ноября все было улажено. Немцы, оставив за собой охрану своих учреждений и складов, уступили охрану города мне. Приказом №1 я объявил город на осадном положении, выставив охрану учреждений и обратившись к сознательной среде граждан, я внес успокоение в нервные умы населения, заставив продолжать свою работу. Того же числа мною объявлена мобилизация офицеров и цензовых классов населения, благодаря чему сформирован отряд в 250 штыков. Отряд состоял в моем распоряжении под именем «Первого офицерского батальона». Все важнейшие пункты города заняты отрядом» [4, с. 347]. В ночь с 5-го на 6-е ноября были проведены аресты и обыски, в результате этого было конфисковано несколько пулеметов, а «29 главнейших руководителей смуты были извлечены из общества» и посажены в тюрьму. В докладе говорится: «Расширяя с каждым днем свою работу и привлекая в сформированный отряд все новые силы... благодаря чему удалось спасти жизнь и авторитет местной власти» [4, с. 347]. В ноябре 1918 года Луганский офицерский добровольческий отряд, который возглавил подполковник Кузьмин, насчитывал 415 человек, 123 лошади, 6 пулеметов и 2 орудия. 11 ноября 1918 года в состав войск обороны Луганска вошла также 5-я Донская казачья батарея войскового старшины Упорникова. 12 ноября на станцию Луганск прибыл бронепоезд «Иван Кольцо» под командованием хорунжего Иванова и также вошел в состав войск обороны Луганска. Приказ № 1730 по Всевеликому Войску Донскому от 9 декабря 1918 года гласил: «Луганский добровольческий отряд включить в состав Донской армии и подчинить командиру 9-го Донского казачьего полка» [4, с. 347]. Как видим, белые успешно укрепились в Луганске после ухода немцев за счет своей высокой самоорганизации и поддержке местного населения.

19 января 1919 г. 9-й Донской казачий полк был снят с позиций, а в ночь на 21-е января в Луганск вошли красные одновременно с восстанием местного большевистского подполья. Казаки, уходя из города, захватили с собой арестованных 29 «руководителей смуты», которых по дороге расстреляли как «изменников Родины» (в тот момент это была стандартная формулировка, поскольку большевики после Брестского мира считались агентами немцев и предателями – по аналогии с власовцами в период Великой Отечественной войны). Отступив из Луганска за р. Северский Донец, казаки и добровольцы расположились в станице Луганской, разрушив за собой железнодорожный мост. Однако замерзшая река не являлась преградой и столкновения между сторонами бывали часто. Против красных войск стояли: полк, сформированный из казаков Луганской, Митякинской и Гундоровской станиц и Луганский офицерский добровольческий полк. Луганск защищали силы большевиков под общим командованием латыша Я. Лациса, состоявшие из 1-й Московской пролетарской дивизии, 15-й Инзенской дивизии, прибывшей из Поволжья (ее основу составляли латышские части), 41 дивизии (позже была расформирована и передана 15-й Инзенской дивизии), 42-й стрелковой дивизии, 1-го Луганского коммунистического полка и отряда китайских добровольцев.

Известно, что французы предлагали атаману Войска Донского П. Краснову прислать в Луганск из Севастополя французскую дивизию на условии подчинения Луганского района генералу Франше д'Эспере и оплаты французским предпринимателям убытков, понесенные ими в Донбассе в 1917-1918 гг. П. Краснов передал это предложение главному Вооруженных сил юга России А. Деникину, на что тот ответил телеграммой: «Никогда не допущу никакого вмешательства в наши внутренние дела и считаю, что все вопросы должны решаться только нами, русскими, и никакие чужеземные власти не смеют даже претендовать на какое-либо руководство» [5]. Это противоречит мифу о поддержке белогвардейцев так наз. «интервентами» – поскольку эти якобы «интервенты» (союзники России по Антанте) лишь стояли в портах и в Гражданской войне не участвовали. Но зато у большевиков самыми стойкими частями были иностранцы – латыши и китайцы, воевавшие и под Луганском.

В книге воспоминаний чекиста И.В. Крылова «Записки красногвардейца» (1968) есть свидетельства об обороне красными Луганска. «В половине апреля я получил задание организовать отделение Особого отдела 8-й армии при 15-й Инзенской (впоследствии Сивашской) дивизии... Однажды ранним утром мы были разбужены сильным шумом на улице. Выбежав на балкон, выходящий на Пушкинскую улицу, мы увидели такую картину. Вся улица была забита армейскими повозками и бегущими красноармейцами. Около нашего дома поток бегущих раздваивался: один продолжал свой бег дальше по Пушкинской, другой сворачивал в направлении к вокзалу. Конные казаки направо и налево рубили шашками бегущих красноармейцев и повозочных. Было ясно, что в город ворвались казаки» [2, с. 152], – пишет Крылов. Командующий Я. Лацис на митинге объяснил прорыв казаков в город тем, что один из красных полков самовольно и без приказа оставил позиции на Острой Могиле [2, с. 153]. Узнав об этом, казаки провели разведку боем, дошли до центра города, но не имея средств удерживать Луганск, вернулись обратно, изрубив некоторое количество латышей. В Луганске срочно была проведена «добровольно-принудительная» мобилизация рабочих, но она привела к весьма плачевному результату: «У железнодорожной насыпи мы обнаружили сосредоточенный уже там полк. Бойцы, прикрытые железнодорожной насыпью, чувствовали себя как на отдыхе: лежали, курили, громко смеялись, ругались, резались в карты, выставляя на кон из карманов пухлые пачки керенок... Разложение полка и его полная небоеспособность были налицо» [2, с. 154], – пишет чекист. Этот наспех набранный полк расформировали, а его командиров расстреляли по решению трибунала. И дезертировавший полк и новый, затем расформированный – это были рабочие полки, названные «коммунистическими».

Затем большевики попытались контратаковать и 28 апреля перешли в наступление на юг, но были отброшены частями 2-й и 3-й Донских казачьих дивизий. 1 мая большевики вновь атаковали белых в районе села Политровка [ныне – Новосветловка – *Авт.*], на этот раз более удачно – прорвали фронт, разгромили штаб добровольцев в селе, взяли пленных и трофеи. Но вскоре

добровольцы восстановили положение: «Под Лутугино красные были разбиты кубанцами генерала А. Шкуро. Луганский коммунистический полк... был полностью рассеян. Этот полк был сформирован из Вергунских партизан шахтёров Успенки и Алчевских рудников, частично из заводских рабочих и деклассированного элемента, имел крайне низкую дисциплину. Не отличались моральными качествами и его командиры С. Зайцев и И. Сила, которые еще раньше были отстранены от командования полком решением горкома партии с формулировкой “за моральное разложение”. Остатки разбитого полка с новым командиром А. Рабиновичем передали в состав 15-й Инзенской дивизии... 1-я Донская казачья дивизия наступала со стороны Макарова Яра, а на село Политровку вновь двигались добровольцы из Дроздовского конного, Марковского и Алексеевского пехотных офицерских полков... Когда стало ясно, что Красная армия не выдержит дальнейшего натиска, Я. Лацис обратился за помощью к горожанам. Назначались люди для выступления на митингах, а штаб 15-й дивизии их вооружал. Но было ясно, что не обученные военному делу рабочие, наспех ознакомленные с системой затвора винтовки, не представляли серьезной военной силы и позже только пополнили число жертв защитников города. Со стороны Красного Яра на Луганск шли Луганский офицерский добровольческий отряд и 5-й Луганский пеший казачий полк. В районе Вергунки они разбили 131-й Тульский полк (бывший 7-й), взяли 200 человек пленными. Луганску грозило полное окружение» [4, с. 348-349].

5(17) мая конница А. Шкуро, зайдя противнику в тыл, овладела Юзовкой и Авдеевкой, в Ясиноватой полк дроздовцев захватил три бронепоезда, 12(24)-го Добровольческий корпус В.З. Май-Маевского прорвал фронт на стыке красных 13-й и 8-й армий, создавая угрозу окружения; 16(28) мая корниловцы взяли Дебальцево, а 15(27) мая был взят Луганск. 13-я армия большевиков 27-31 мая отступала с боями, 1 июня оставила Бахмут, а дальше, уже почти не оказывая сопротивления, в беспорядке откатывалась на север, остановившись только через месяц в районе Нового Оскола, в 250 км от Донбасса. Не встречая особого сопротивления белые уже к 10 июня дошли до Харькова.

Командование Добрармии старалось наладить экономическую жизнь на возвращенных территориях, где она почти отсутствовала при большевиках, которые вели карточную систему и запретили торговлю (это часто приводило к искусственному голоду). Б.А. Штейфон свидетельствует, что по распоряжению А. Деникина, «вслед за войсками прибыли вагоны с мануфактурой, мукой, сахаром и прочим. Все это немедленно стали продавать по “твердым” ценам. В быстро образовавшихся очередях весело тараторят женщины – жены рабочих: “При тех, иродах, сахара мы и не видели!”. Говорят искренне, от души. Думаю, что не менее искренне эти же женщины бранили нас, когда Никитовку занимали красные... В Бахмуте те же настроения и те же картины. С небольшими вариациями: толпа вынесла из “агитпункта” на площадь большевистскую литературу и устроила громадный костер» [7, с. 46]. Как пишет Юрий Чепурнов, «по взятии Луганска по предписанию А. Деникина предпринимаются шаги в

направлении примирения интересов работодателей и рабочих: устанавливается 8-часовой рабочий день и минимальный прожиточный минимум для рабочих 660-780 рублей» [5]. Автор отмечает: «Белая армия – нищая армия! Солдат получал 30 рублей в месяц, а офицеры – от прапорщика до главкома Деникина – в пределах от 270 до 1000 рублей... Не много получали и семьи погибших солдат и офицеров – единовременное пособие семьям погибших при штурме Луганска равнялось 1500 рублей» [5]. Как видим, при А. Деникине рабочий получал больше офицера белой армии!

Шла также жесткая борьба за общественный порядок, при которой иногда приходилось наказывать и своих собственных служащих. Например, в рапорте начальника уголовно-розыскного отделения Луганска от 27 июня 1919 года сообщалось: 26 июня в отделение явился луганский мещанин Исаак Наумович Осовец и заявил, что к ним в квартиру часов в 11 или 12 ночи по Пушкинской улице в доме Сафаровой явился какой-то неизвестный и под угрозой револьвера начал требовать две бутылки водки. Исаак Осовец, выбежав на улицу, явился в участок и заявил об этом. Было установлено, что «вооруженное покушение на грабеж Исаака Осовца совершил агент вверенного мне отделения Иван Морозов. Морозов был задержан, обезоружен и отправлен в час ночи в кардегардию уездной стражи по Садовой улице. Недалеко от монастыря Морозов, ударив по лицу агента Мазура, бросился бежать. По нем было произведено несколько выстрелов, коими Морозов и убит» [5]. Так защита жителя еврейской национальности закончилась ликвидацией своего же агента.

М.Н. Левитов в книге «Материалы для истории Корниловского ударного полка» пишет: «С 1 января 1919 г. по 1 мая полк выдержал 57 боев, сопряженных с постоянными и часто крупными потерями. К 1 января в полку было 1500 человек, это с пополнением из пленных в операции от Ставрополя до с. Овоци. За то же время из полка выбыло убитыми и ранеными 3303 человека. Полагая средний численный состав полка в 1200 человек, видно, что за четыре месяца полк переменял три состава... за это время выбыло из строя 683 офицера, служивших в своем полку в качестве рядовых бойцов» [3, с. 232]. Все пополнение полк получал на месте боев из числа добровольцев Донбасса.

Как отмечает Юрий Чепурнов, в добровольцы шла «молодежь прежде всего». На улицах Луганска можно было увидеть плакаты: «Учащийся! Родина зовет! Бросим мы книги, оставим ученье, в руки возьмем мы ружье!» Внизу был изображен гимназист в серой шинели, на нем погоны и фуражка с кокардой [5]. Это имело отклик. Здесь в Добровольческую армию вступил луганчанин, впоследствии выдающийся русский поэт Владимир Алексеевич Смоленский (1901, Станица Луганская – 1961, Париж). Он ушел из Луганска с Добровольческой армией в декабре 1919 года и покинул Россию с остатками армии П. Врангеля в 1920-м. Окончил Парижскую коммерческую школу, автор 4-х вышедших во Франции поэтических сборников. Другой белый доброволец Владимир Сосинский, родился в 1900 г. в семье инженера Луганского паровозостроительного завода Гартмана, также воевал вплоть до эвакуации

белых из Крыма. В эмиграции работал шахтером, фотографом. За участие во французском движении Сопротивления (партизанский отряд) удостоен высших наград Франции: ордена Почетного легиона, Военный крест с мечами.

В мемуарах А.Г. Шкуро хорошо очерчена общая социальная основа белой армии на Донбассе в 1919 году: «Первые добровольцы, горячие патриоты и идейные, бескорыстные сподвижники Л.Г. Корнилова, были уже повыбиты. Нынешнее офицерство состояло из новых людей, частью пленных или перебежавших из Красной армии, из мобилизованных в освобожденных от большевизма областях... Мобилизуемые принудительно крестьяне и рабочие интересовались прежде всего программой Добрармии. Ощутившие на своей шкуре грубую неправду большевистских обещаний, народные массы, разбуженные политически, хотели видеть в Добрармии прогрессивную силу, противобольшевистскую, но не контрреволюционную..., например, в ответ на вопрос, часто задававшийся мне шахтерами Донецкого бассейна: каковы взгляды вождей Добрармии на рабочий вопрос?» [6, с. 214]. А.Г. Шкуро здесь пишет о полном отсутствии идеологической работы с массами, которое и стало одной из главных причин поражения белых. Это ресурс не был использован.

На этом фоне остается лишь удивляться чудесам самоорганизации и смекалки, которые проявляли белые добровольцы при создании своей армии. Б.А. Штейфон свидетельствует: «Зарождение и формирование новых частей в Добровольческой армии происходило обычно по одному и тому же шаблону. Когда собиралось несколько офицеров какого-либо прежнего полка, они начинали мечтать о его восстановлении. Если это были люди энергичные и дельные, то они переходили от слов к делу. Они разыскивали своих однополчан и образовывали N-скую ячейку... Обычно командиры полков поддерживали подобное начинание и на усиление новой роты назначали 15-20 солдат из числа пленных красноармейцев. Подобная рота, преследуя свои затаенные цели, стремилась набрать возможно больше пленных, захватить оружие, снаряжение и т.п. Короче говоря – сформироваться. Параллельно с этим разыскивался прежний командир, или кто-либо из наличных старших офицеров становился таковым. Он устраивался в ближайшем тылу и тихонько, без лишнего шума, формировал строевую канцелярию, хозяйственную часть, обоз... “излишки” – пленные и вообще все трофеи – переправлялись в штаб “своего” полка... Когда ловили с поличным, отдавали без запирательств, и обе стороны в таких случаях претензий друг к другу не имели» [7, с. 22].

Таким образом, основным человеческим ресурсом Добровольческой армии было само население Донбасса, в том числе, пленные красноармейцы. В то же время, красные полки, мобилизованные из местного населения и громко названные «коммунистическими», показали свою полную небоеспособность. Фактически Луганск оборонялся силами красных, прибывших издалека – из Поволжья и Москвы. Самые стойкие части состояли из латышей и китайцев. (И такая картина, кроме Донбасса, наблюдалась в очень многих местах). Тем самым,

представление о Донбассе как о пролетарском, а значит, автоматически и «красном» регионе Гражданской войны, является безосновательным.

В настоящее время в ЛНР возрождена память о Гражданской войне со стороны белых казаков. 24 января каждого года отмечается скорбная дата начала геноцида казаков советской властью – в 1919 г. была издана секретная «директива о расказачивании». Так, на этом мероприятии в 2020 году было заявлено: «Геноцид привел к гибели более трех миллионов казаков. Все это происходило в собственной стране, которую казаки защищали испокон веков!» [1]. «Как и сто лет назад, казаки вновь встали, в 2014 году создали свои казачьи части, свои батальоны и полки и защищают донскую казачью землю и всю русскую цивилизацию» [1]. Существующий ныне в составе Народной Милиции ЛНР отдельный казачий полк имени атамана Матвея Платова считается продолжателем традиций белого Луганского казачьего полка 1919 года.

Ссылки и примечания:

1. В Луганске отслужили панихиду по жертвам расказачивания [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dikoe-pole.info/kazaki-lnr-pomyanulipamyat-predkov-stavshikh-zhertvami-politpressij/>
2. Крылов И.В. Записки красногвардейца. М.: Московский рабочий, 1976. 230 с.
3. Левитов М.Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. 667 с.
4. Сизенко А., Федичев В., Черепяхин В. Мы – Донские казаки. Документы, факты, очерки истории станицы Луганской XVII – XX вв. Луганск: Глобус, 2008. 388 с.
5. Чепурнов Ю. Луганск / Ю. Чепурнов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/goroda/Lugansk.htm>
6. Шкуро А.Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М.: АСТ, 2004. 540 с.
7. Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Белград: б/и, 1928. 131 с.

УДК 94 (477) «1920-1932»

Е.А. Дмитриченкова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: eliseeva_rina@inbox.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПРИАЗОВЬЯ В 20-30-Х ГГ. XX В.

Аннотация

В статье показаны административно-территориальные преобразования, которые проводила советская власть в 1920-30-х годах, и которые нашли свое отражение в социально-экономическом положении немецких колонистов – поселенцев Приазовья. В их социально-экономическом развитии определяющим фактором стала конфессиональная принадлежность, а религиозные различия отражались во всех сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: Приазовье, немецкие поселения, колонисты, меннониты, лютеране, католики, конфессии, религиозная принадлежность, немцы, административно-территориальные изменения.

Summary

In the article shows the administrative-territorial transformations that the Soviet government carried out in the 1920s and 30s, and which were reflected in the socio-economic situation of the German colonists - settlers of the Sea of Azov. In their socio-economic development, religious affiliation became the determining factor, and religious differences were reflected in all spheres of life.

Keywords: Priazovye, German settlements, colonists, Mennonites, Lutherans, Catholics, faiths, religious affiliation, Germans, administrative-territorial changes.

Актуальность темы тесно связана со многими важными проблемами развития нашего государства. Одной из составляющих этого процесса является дальнейшее совершенствование и развитие межнациональных отношений, что актуально для многонационального Приазовья. Среди многих народов, населяющих Приазовье, особое место принадлежит немцам. Культура, и в частности религия, немецких колоний Приазовья влияли на духовно-культурную жизнь местного населения, интегрировались в культурное пространство, став неотъемлемым его компонентом. Все эти процессы требуют тщательного изучения. В современных условиях усилился интерес ученых к исследованию истории немцев. Это обусловило появление многочисленных научных статей, монографий,

посвященных различным аспектам жизни этого этноса. В то же время, несмотря на это, существует немало «белых пятен» в истории немецких колоний, в частности Приазовья.

Итак, выбранная для изучения тема имеет научное и общественно-политическое значение, чем и обусловлена ее актуальность.

Научной разработкой темы занимались следующие историки: Т.К. Захарченко, И.В. Задерейчук, М.В. Беликова, О.В. Безсонова, А.В. Замуруйцев, Е.С. Лях, А.И. Безносков, И.С. Рублева, В.И. Сергейчук, Ю.Б. Полидович, М.Ф. Дмитриенко. Однако, этих разработок недостаточно для комплексного анализа темы, поэтому следует продолжить более глубокое изучение данной проблемы.

На протяжении всей истории существования немецких поселений в землях Приазовья их административно-территориальная принадлежность неоднократно менялась. С приходом советской власти, административно-территориальные преобразования существенно повлияли на дальнейшее развитие колониетских поселений Приазовья. Трансформации, проводившиеся правительством, осуществлялись на таких принципах: ликвидация частной собственности и пылкая антирелигиозная направленность. Такие приоритеты противоречили основным принципам жизнедеятельности немецких поселений. В это время в Приазовье отчетливее всего оказалась диспропорция в разделах площади, количества и плотности населения на губернском, уездном и волостном уровне [1]. Несколько волостей объединялись в более крупную волость, потому что для губернского и уездного руководства мелкое волостное распределение был тормозом в организации работы советских учреждений. Однако и после таких сочетаний волости значительно различались по количеству населения (от 5 до 30 тыс.). Для удобства личного управления губернские и уездные ревкомы и исполкомы начали создавать однородные районы с населением 30-40 тыс. человек, в состав которых входило 1-3 волости. Поэтому хозяйственные районы уже не были привязаны к административно-территориальным границам [2]. При этом немецкие поселения часто оказывались в составе ненемецких сельсоветов, руководство которых часто было враждебно к ним настроено. Вниманию даже не уделялось то, что немецкие волости, которые ранее функционировали как единое целое, теперь оказались разрозненными.

Происходящее при «социалистическом строительстве» в корне изменило жизнь в немецких колониях. К 20-м годам XX в. были в основном ликвидированы частное предпринимательство, торговля и крупное землевладение, на котором держалось всё благосостояние колонистов. Это подтолкнула к выезду за пределы СССР многих богатых немцев, что особенно массовым стало в 1926-1928 гг. В 1932-1934 гг. в немецких колониях были созданы колхозы [3]. В начале 1933 г. немецкие колонии, как и вся УССР, пережили голод [4].

Административно-территориальные изменения были тесно взаимосвязаны с социально-экономическими преобразованиями, что чаще всего сводилось к отрезу от земли, которую обрабатывали немецкие колонисты, в пользу окружающего

ненемецкого населения. К этому также добавился очень высокий уровень налогообложения. А трагические последствия голода 1921-1923 гг. вместе с неприятием религиозных основ жизнедеятельности колонистов сделали кризис системным.

Для упорядочения административно-территориального устройства в республике еще в октябре 1920 года при НКВД была организована Административно-территориальная комиссия с филиалами в губерниях, которая в течение двух лет вела подготовительную работу по систематизации районирования [5].

Постановлением ВУЦИК и СНК УССР от 7 марта 1923 года все 9 губерний Украинской ССР были разделены на 53 округа и 706 районов. Новое административно-территориальное деление не вывело немецкие колонии из кризиса, потому что национальный состав населения районов не принимался во внимание. Дальнейшее обострение проблемы землеустройства и землепользования при непрекращающихся захватах колонистских земель, чрезвычайно высокий уровень налогообложения, постоянные притеснения со стороны работников руководящих органов разного уровня, которые не понимали, а часто просто игнорировали языковые, религиозные, культурные потребности населения колоний – все это вызвало острое возмущение и эмигрантские настроения среди колонистов. В 1923-1924 гг. волна эмиграции буквально захлестнула немецкие поселения. Особенно большой эмигрантский поток был из меннонитских колоний, вызванный массовым необоснованным лишением местными властями прав голоса и землепользования меннонитских проповедников, которые избирались, а не находились на содержании, как в других конфессиях.

Резкое увеличение количества эмигрантов-колонистов обеспокоило советское руководство. 16 июля 1924 года Президиумом ВУЦИК были заслушаны предложения комиссии по обследованию меннонитских и немецких поселений Екатеринославской и Донецкой губерний. По мнению комиссии, одной из причин недовольства меннонитов стала нерегулируемость земельных отношений и землепользования в колониях. Было признано необходимым: немедленное проведение землеустройства с обозначением границ в соответствии с нормами, установленными Народным комиссариатом земледелия; организация добровольных переселенческих групп для разгрузки колоний; бронирование Наркомземом участков земли с колонизационного фонда для немцев-переселенцев; предоставление переселенческого фонда внутри колоний исключительно колонистам. Отдельно отмечалось, что меннониты-проповедники, которые были лишены права голоса, имели права на пользование землей.

Медлительность и нерасторопность низших инстанций при проведении землеустройства в немецких поселениях усилила недоверие немецких поселенцев к советской власти и оживило эмигрантские настроения. Широкий поток эмиграции и попытки колонистов восстановить собственные административно-территориальные образования заставили советское руководство принять срочные меры.

Центральная власть прибегла к выделению в местах компактного проживания немцев сельсоветов и районов. Осуществление национального административно-территориального районирования в Украине началось согласно постановлению УССР от 29 августа 1924 года «О выделении национальных районов и советов» [6].

В течение декабря 1924 г. – октября 1925 г. были сформированы национальные немецкие районы – Ландауский (Карл–Либкнехтовский) Николаевского округа, Молочанский и Пришибский Мелитопольского округа, Люксембургский Мариупольского округа. В апреле 1928 года был ликвидирован Пришибский район (населенный в основном лютеранами) с присоединением его к территории соседнего Молочанского района (где преобладали меннониты) при этом не учитывалось, что за конфессиональными различиями стоят и социально-экономические особенности. А, начавшееся осенью 1929 года наступление на кулака окончательно похоронило надежды колонистов на возможность нормального хозяйствования. Все это повлекло новую попытку массовой эмиграции колонистов [7]. Вскоре их ожидали и новые административно-территориальные изменения: Хортицкий меннонитский округ, проектируемый в течение длительного времени различными инстанциями и оформленный ценой больших усилий как немецкий национальный осенью 1929 года, просуществовал с этим статусом лишь один год. В сентябре 1930 года он был ликвидирован с подчинением населенных пунктов Запорожским горсоветом.

Сталинский вариант индустриализации и сплошной коллективизации требовал максимальной централизации управления. Четвертая внеочередная сессия ВУЦИК УССР двенадцатого созыва 9 февраля 1932 года утвердила решение о создании в Украинской ССР пяти областей: Карл-Либкнехтовский, Фридрих-Энгельсский и Спартаковский районы вошли в состав Одесской области; Высокопольский, Люксембургский и Молочанский – Днепропетровской области; Пулинский – Киевской области. В конце 1934 года был сформирован смешанный украинско-немецкий Остгеймский (Тельмановский) район [8], а в начале 1935 года из части Молочанского района образован Вальдгеймский (Ротфронтровский).

Религиозная принадлежность, которая была определяющей при создании колоний, сильно повлияла на конфессиональный состав немецких административно-территориальных единиц Приазовья. Немецкое население колоний Зельцкого (Фридрих-Энгельсского) района, созданного на базе Кучурганского колонистского округа, было католического вероисповедания. Гросслибентальский (Спартаковский) район, основанный на колониях, которые когда-то образовывали Либентальский колонистский округ, имел смешанный по религиозному признаку состав. Жители колоний Гросслибенталь, Люстдорф, Александергильф, Нейбург, Петерсталь, Фрейденталь были евангелического вероисповедания; в Кляйн-Либентали, Йозефстали, Мариентале, Францфельде проживали католики. Колония Гильдендорф, которая в свое время была выведена из Березанского округа, имела смешанный конфессиональный состав [9].

Ландауский (Карл-Либкнехтовский) немецкий район, основу которого составляли колонии Березанского колонистского округа, также имел смешанный

по религиозному признаку состав. Часть переселенцев размещалась в католических колониях (Ландау, Карлсруэ, Мюнхен, Раштадт, Шпеер, Зульц), которые впоследствии вошли в состав Раштадской и Ландауской волостей; лютеране и реформаторы поселялись в лютеранских колониях (Рорбах, Вормс), образовавших Рорбахскую волость [10]. На 1 сентября 1925 года в районе было зарегистрировано 20 религиозных общин [11].

В Высокопольском районе проживали последователи лютеранского, меннонитского и католического вероисповедания [12]. На момент основания района на его территории проживало 4800 меннонитов. Это составило 32,8% жителей района. К 1927 году лютеранские общины Высокопольского района насчитывали 1633, меннонитские – 1861, католические – около 800 постоянных прихожан. Смешанный состав верующих был и в Люксембургском районе. К 1925 году в районе было 13 действующих храмов, в том числе 5 римско-католических.

Немецкое население Пришибского района в конфессиональном отношении делилось на последователей лютеранского и католического вероисповедания. С 27 старых немецких колоний 19 были лютеранскими, а 8 – католическими. Во второй половине 1920-х годов в Пришибском районе существовали 4 прихода: два лютеранских – в Пришибе и Гохштедте и два католических – в Гейдельберге и Костгейме.

Жители Молочанского района в религиозном отношении в подавляющем большинстве были последователями меннонитского вероучения. В 1927-1928 гг. в районе было зарегистрировано 25 меннонитских общин с 9180 членами, в том числе 7 братских – в колониях Тиге, Шпарау, Александрталь, Тигенгаген, Вальдгейм, Гнаденгейм и Гроссвайде; в 1928 году количество меннонитских общин возросло до 28, членами которых были 9523 человека. В колонии Шёнзее находилось Центральное правление «Всесоюзного комитета меннонитов из церковных дел». В 1930 году с 51667 жителей района меннониты составляли 22176, лютеране и католики – 12346 человек. Итак, меннониты составляли 42,1% всего населения района, а католики и лютеране – почти 23,9% соответственно.

На территории Хортицкого района действовали меннонитские общины. Хортицкая евангельская община, включавшая население Хортицкого и Широчанского сельсоветов, составляла 3338 членов. В Николаевскую евангельскую общину входили жители Николай-Польского сельсовета и Айнлаге с 165 членами в 1924 году. В Николай-Польске также находилась братская меннонитская община с 82 членами. Качкарская евангельская – 316 человек. Также действовала Павловская евангельская община. На территории Хортицкого района проживало более 11 тыс. меннонитов, или 23,9% от общего их количества в Приазовье.

В Остгеймском (Тельмановском) районе располагались немецкие поселения бывшего Бердянского колониетского округа, основанного сепаратистскими переселенцами. Их конфессиональная специфика сказалась не только на религиозных особенностях, а и на других сферах жизнедеятельности. Так, в отличие от лютеранских колоний, в которых церковь и школа были тесно связаны,

сепаратисты в свое время пытались создать самостоятельную школу, опираясь на поддержку земств.

Таким образом, административно-территориальные преобразования, проведенные советской властью в 20-30-х годах XX века, ощутимо отразились на социально-экономическом положении немецких поселений региона. В свою очередь, религиозные различия отразились на всех сферах жизнедеятельности колоний, а особенности вероисповедания были определяющими в их социально-экономическом развитии.

Ссылки и примечания:

1. Дмитрієнко М.Ф. Зміни в адміністративно-територіальному устрої України в 1919-1920 рр. // Український історичний журнал. 2003. №6. С. 70,72.
2. Горбик В.О., Скрипник П.І. До питання про районування України // Український історичний журнал. 1995. №2. С. 18.
3. Немцы в России и СНГ. 1763 – 1997. Вып.6. – Москва – Штутгарт, 1998.
4. Полидович Ю.Б. Немецкая колония Бергталь и ее жители (из пришлового современного села Республика Володарского района Донецкой области) // Літопис Донбасу. Донецьк, 2006. Вип.14.
5. Дмитрієнко М.Ф. Зміни в адміністративно-територіальному устрої України в 1919-1920 рр. // Український історичний журнал. 2003. №6. С. 76-77.
6. Кулинич І.М., Кривець Н.В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. – К.: Інститут історії України, 1995. С. 206.
7. Сергійчук В.І. Німці в Україні. К., 1994. С. 43-44.
8. Державний архів Донецької області. Ф.326. Оп.1 Спр.233. Арк. 17, 117-118.
9. Плесская Э. Кучурганский колониетский округ / Э. Плесская // Материалы к энциклопедии «Немцы России». – Вып.7: Немцы Украины: Пилотный сборник. М.,2002. С. 123.
10. Брандес Д. Бердянский колониетский округ / Д.Брандес // Материалы к энциклопедии «Немцы России». – Вып.7: Немцы Украины: Пилотный сборник. М.,2002. С. 26.
11. Рублева Н.С. Особенности существования немецкой католической общности в УССР (1920-1930-е гг.) / Н.С.Рублева // Немцы России и СССР, 1901-1941 гг.: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 17-19 сентября 1999 г.). М.:Готика, 2000. С. 348.
12. Безносков А.И. Высокопольский немецкий национальный район / А.Безносков // Материалы к энциклопедии «Немцы России». – Вып.7: Немцы Украины: Пилотный сборник. М., 2002. С. 54.

УДК 94:394:711.558(477.62)«1943/1953»

Н.Н. Старченко

аспирант,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: starchenko.natalya@mail.ru

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ДОСУГА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СТАЛИНО В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ (1943-1953 ГГ.)

Аннотация

В статье проанализирована проблема государственного регулирования советского досуга, включая деятельность культурно-просветительных учреждений, их место и роль в системе идеологического воспитания населения г. Сталино в период послевоенного восстановления (1943-1953 гг.).

Ключевые слова: *досуг, идеологическая работа, пропаганда, культурно-просветительские учреждения, библиотека.*

Summary

The article analyzes the problem of state regulation of Soviet leisure, including the activities of cultural and educational institutions, their place and role in the system of ideological education of the population of Stalino during the post-war reconstruction period (1943-1953).

Keywords: *leisure, ideological work, propaganda, cultural and educational institutions, library.*

Известно, что бюджет времени городского населения состоит из рабочего и свободного от работы времени. В рабочее время осуществляется общественно полезный труд, создаются материальные и духовные ценности. В свободное время происходит возобновление потраченных в процессе труда сил, кроме того, свободное время необходимо для удовлетворения физических, культурных и социальных потребностей.

В советской историографии данная проблема нашла отображение на страницах таких изданий как: «История городов и сел Украинской ССР. Донецкая область», «История рабочих Донбасса», «Очерки истории Донецкой областной партийной организации», В. Романцова «Робітничий клас Української РСР (1946-1970 рр.) [1].

Значительное количество работ, посвященных проблеме повседневности, где также рассматривается досуг городского населения, опубликовали российские

ученые. Наибольший интерес для нас представляют работы Е.Ю. Зубковой, Н.Н. Козловой. Проблеме советского досуга посвящены отдельные разделы в двух монографиях Н.Б. Лебиной, где особое внимание уделено вопросам нормирования досуга властью [2].

Интерес к советской повседневности проявляют и западные исследователи, например, в своей книге «Советские массовые праздники» немецкий историк М. Рольф исследует своеобразие праздничной культуры в СССР, сравнивая ее с аналогичной культурой других диктатур и демократических стран [3].

Среди современных работ следует отметить работы Е.Д. Исайкиной «Побут і дозвілля міського населення України в повоєнний період (1945–1955 рр.)», где автор основательно изучает проблему досуга в первые послевоенные годы и М. С. Герасимовой «Дозвілля у повсякденному житті населення Донбасу в 1945-1953 рр.» [4].

Цель данной работы – проанализировать проблему государственного регулирования советского досуга, включая деятельность культурно-просветительных учреждений, их место и роль в системе идеологического воспитания населения г. Сталино в период послевоенного восстановления (1943-1953 гг.).

На повседневную жизнь советских людей повлияла Великая Отечественная война. Ее разрушительные последствия были ощутимы не только в социально-экономических и политических пространствах, но и в личной жизни людей, в частности досуге. Задачи восстановления разрушенной в годы войны промышленности, сельского хозяйства, административных и культурно-просветительских учреждений требовали от советских людей максимальной концентрации не только материальных ресурсов, но и человеческих сил, что значительно ограничивало свободное от работы время. На протяжении войны и в первые годы после освобождения Сталино от немецко-фашистских захватчиков люди часто круглосуточно находились на работе, почти не имели выходных и времени на отдых вообще. Между тем постепенно город возвращался к мирной жизни. Возобновлялся довоенный график рабочего времени – восьмичасовой рабочий день. Указом от 30 июня 1945 года для работников и служащих вновь вводились очередные и дополнительные отпуска, отмененные в 1941 году из-за войны [5]. Таким образом, постепенно были восстановлены нарушенные войной границы рабочего и вне рабочего времени, что составляло условия для организации полноценного досуга.

В СССР партийные и правительственные органы пытались поставить под контроль все сферы общественной жизни. Ключевая роль в этой работе отводилась пропаганде. В связи с этим особую значимость приобретали культурно-просветительские учреждения, на которые возлагались функции идеологического воспитания населения. В то же время, это были центры досуга горожан, однако досуга организованного, контролируемого теми же властными структурами.

После освобождения в сентябре 1943 г. Сталинской области от немецко-фашистских захватчиков решающим условием успешного восстановления

народного хозяйства области, были мероприятия Коммунистической партии, направленные на восстановление и укрепление партийных, профсоюзных и комсомольских организаций и активизацию их деятельности. Постановление майского (1944 г.) Пленума ЦК КП(б)У о партийно-массовой работе в Сталинской области явилось «боевой» программой всех партийных организаций. Повсеместно оживилась агитационно-массовая работа. Агитаторы проводили специальные беседы, обращая особое внимание на разъяснение мероприятий партии «по укреплению тыла страны и задач советского народа в борьбе за окончательную победу над врагом». В этом направлении в области работало 747 агитколлективов, которые объединяли 10 428 агитаторов [6]. Стоит отметить, что агитационно-пропагандистская работа проводилась с учетом того, что область в течение 22 месяцев находилась под фашистской оккупацией.

Содержание агитационно-пропагандистской деятельности культурно-просветительских учреждений в первые послевоенные годы было переориентировано сообразно насущным задачам общественно-политической жизни страны. Отдел культпросветучреждений управления культуры исполкома Сталинского областного Совета депутатов трудящихся, городские и районные отделы культуры области «руководствуясь решениями партии и правительства по идеологическим вопросам и по вопросам культурно-просветительской работы, направляли всю деятельность клубов и библиотек, парков культуры и отдыха, музеев на дальнейшее повышение их идейного уровня, на оказание помощи партийным, советским, комсомольским и профсоюзным организациям в повышении коммунистической сознательности трудящихся города ... и мобилизации их на выполнение политических и хозяйственных задач» [7].

Уже в ноябре 1943 г. в освобожденном Сталино шла подготовка к празднованию 26-й годовщины Великой Октябрьской революции. На все предприятия и многие учреждения города были выданы портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина, во все районы своевременно были доставлены плакаты и лозунги. Примечательно, что только Буденновским райкомом КП(б)У было выдано 800 портретов. Стремительными темпами проводилось оформление уцелевших от разрушений фашистскими оккупантами общественных зданий портретами вождей и членов правительства, плакатами-панно, лозунгами. Горожане массово вывешивали красные флаги, значительная часть которых была сохранена самими же жителями города [8].

До Великой Отечественной войны горожанам Сталино предоставляли культурный отдых и развлечения – 23 культурных учреждения, театры, кино, клубы. После войны постепенно сформировалась разветвленная система клубных учреждений в г. Сталино. Клубы создавались как «очаги культуры» в каждом районе города. На 15 июля 1947 г. в Сталино насчитывалось уже 57 Клубов и Дворцов культуры [9].

Клубные учреждения г. Сталино в рассматриваемый период проводили такие виды культурно-массовой работы как: лекции и доклады; громкие коллективные читки и беседы; тематические вечера, в т.ч. встречи и обмен производственным

опытом; вопросы и ответы; коллективное радио-слушание; выступления агитбригад; спектакли и концерты; киносеансы; работа с детьми [10].

В рассматриваемый период кино оставалось важнейшей отраслью культурного строительства страны, будучи наиболее эффективным способом пропаганды и воспитания масс.

Примечательно, что уже в сентябре 1943 г. в кинотеатре им. Шевченко демонстрировалась кинокартина «Разгром немецких войск под Москвой» – 18 сеансов и дано 12 концертов (силами ДК). Известно, что кинофильмами и концертами было обслужено – 30 тыс. населения города. В это же время в кинотеатре «Металлургов» демонстрировалось два сеанса указанной кинокартины [11].

В клубах города, было принято, каждый раз перед демонстрацией кинофильмов, читать лекции, например, о Конституции УССР [12]. Среди кинофильмов, которые демонстрировались в исследуемый период, следует назвать: «Весна», «Москва столица СССР», «Гаврош», «Подвиг разведчика» (1947), «Адмирал Ушаков», «Возвращение Василия Бортникова», «Встреча на Эльбе» (1949), «Сталинградская битва» (1949), «Падение Берлина», «Смелые люди» (1950) и другие.

Хотелось бы отметить, что указанные фильмы несли, как и идеологическую нагрузку, так и воздействовали на умонастроения людей более эффективно, чем лекции.

Еще до Великой Отечественной войны для детей был прекрасно оборудован Дворец Пионеров с самыми разнообразными кабинетами и комнатами, который пополнял знаниями 1000 детей г. Сталино. В свой черед областная опытная техническая станция обслуживала до 15 000 детей. Но, уже в конце 1940-х - начала 1950-х годов возобновляется такой вид массовых работ, как работа с детьми. Заметно увеличивается количество детских утренников и вечеров [13].

Организации массовых праздников – Нового года, 1 Мая, Дня Победы, Дня шахтера, Дня Великой Октябрьской социалистической революции, были также возложены на клубные учреждения. Самыми популярными и любимыми праздниками среди населения Сталино были – Новый год и День шахтера. Например, в подготовке к празднованию Дня шахтера в Буденовском районе города в 1948 году в клубах и дворцах готовились выставки и фотовитрины «показывающие достижения шахтеров в борьбе за восстановление и развитие угольной промышленности», «портреты почетных шахтеров и лучших стахановцев». Проводились совещания директоров дворцов и заведующих клубами по вопросам «подготовки и проведения в День шахтера массовых гуляний, физкультурных выступлений и соревнований, подготовке выступлений художественной самодеятельности на торжественных собраниях трудящихся» [14].

Новый год был любимым праздником не только детей, но и взрослых. Массовые народные гуляния, балы-маскарады, вечера отдыха организовывались во дворцах культуры и клубах всех районов города.

Обычно, этот праздник проходил по установленным и утвержденным предварительно сценариям. 31 декабря в 5 часов вечера от Дома культуры отбывали большие украшенные сани, в которых сидели Дед Мороз, Новый год и Снегурочка. С песнями и музыкой подъезжали они к предприятиям, учреждениям и организациям города, и приветствовали всех с Новым годом. Если праздник проходил в клубе, то помещения предварительно оформляли, праздничную программу вели сказочные и новогодние герои. Около 12 часа ночи включали радиоприемник, в торжественной тишине слушали бой курантов. Все вставали и слушали новогоднее поздравление партии и правительства, а затем праздновали [15].

Еще одним распространенным видом досуга советских людей было чтение. Власть предавала большое значение популяризации этого занятия, главным образом создавая библиотеки.

Значительное место в культурно-образовательной работе в Сталино, сразу после освобождения города от гитлеровских захватчиков, занимали массовые библиотеки. Стоит отметить, что в библиотеках города до войны было 660 000 книжного фонда, в городе было до 25 библиотек [16]. В освобожденном городе их, в сущности, пришлось формировать заново. Большую роль в этом сыграли горожане. Они работали бесплатно на восстановлении заведений культуры, приносили в библиотеки собственную литературу, мебель, оборудование. Достаточно показательна судьба районной библиотеки в Петровском районе г. Сталино. Во время оккупации в здании библиотеки был размещен военный штаб и госпиталь, часть книг была сожжена. Местным жителям удалось с большим трудом сохранить часть книжного фонда. После освобождения региона и возобновления работы шахт № 1 и № 10 рядом с ними в барачном помещении на основе собранной у жителей литературы было восстановлено районную библиотеку с книжным фондом всего в 400 экземпляров [17].

Через несколько дней после освобождения Сталино началась работа по восстановлению областной библиотеки им. Н.К. Крупской. Первыми на помощь пришли студенты и учащиеся старших классов школ города, которые помогали вытаскивать книги из подвальных помещений и готовить их к выдаче. Благодаря проведенной работе, на 24-й день после освобождения Сталино был открыт читальный зал и абонемент [18].

Стремясь довести книгу до широких масс, библиотеки организовывали действенную пропаганду литературы. Проводились литературные вечера, читательские конференции, устраивались библиографические обзоры, выпускались плакаты, организовывались книжные выставки, оформлялись стенды пропаганды решений партии и правительства, списки рекомендованной литературы из разных областей знаний, книжные выставки к революционным и знаменательным датам [19].

Для широкого продвижения книги в массы необходимо приблизить книгу потребителю, а для этого необходимо выйти с книгой в массы. Одной из форм, способствующих продвижению книг, являлась организация книжных базаров –

праздников книги на предприятиях. Согласно решению Сталинского горкома партии, в период лета 1950 г., были проведены праздники книги на предприятиях г. Сталино [20].

Проведению таких праздников книги предшествовали ряд массовых мероприятий: лекции и доклады по литературе, литературные диспуты, выставки библиотек и запись читателей в библиотеку. Как правило, праздники книги на предприятиях организовывались и проводились под руководством партийных и профсоюзных организаций предприятий.

Выход с книгой в массы в Сталино носил чисто традиционный характер. Все знаменательные даты и праздники сопровождались продажей книг и организацией книжных базаров, на которых продавалось немалое количество книг покупателям. Стоит отметить, что такие книжные базары организовывались на всех партийных конференциях, совещаниях, хозяйственных активах, в День шахтера, на сельхоз-выставке и т.д. В последующие годы книжные базары или так называемые «праздники книги» стали проводиться на предприятиях, в красных уголках и клубах предприятий и в зимних условиях.

Таким образом, идеологическая работа культурно-просветительных учреждений в 1943-1953 гг. в городе Сталино рассматривалась как средство идеологического воспитания советских граждан. «Культурные мероприятия», в основном, были направлены на пропаганду политики партии. Естественно, подобные мероприятия не пользовались успехом, о чем свидетельствовала слабая посещаемость. Однако дома культуры были не только основными опорными пунктами советской пропаганды, но и местом досуга горожан.

Исследуемый период стал временем активного восстановления работы библиотечной сети Донбасса. Библиотеки сыграли одну из ключевых ролей в проведении культурно-воспитательной и просветительской работы на территории не только города, но и всего Донецкого края.

Ссылки и примечания:

1. Історія міст і сіл Української РСР: у 26 т. Донецька область / гол. ред.: Тронько П. Т. (голова) [та ін.]; редкол. тому: Пономарьов П. О. (голова) [та ін.]. К.: Укр. рад. Енциклопедія, 1970. 992 с.; История рабочих Донбасса. В 2-х т. Т. 2: Рабочие Донбасса в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. / Глав. ред. Ю. Ю. Кондуфор. К.: Наукова думка, 1981. 432 с.; Очерки истории Донецкой областной партийной организации / Ред. Слинько А.А. – Донецк: Издательство «Донбасс», 1978. 503 с.; Романцов В. Робітничий клас Української РСР (1946-1970 рр.) К., 1972. 219 с.
2. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945-1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.; Козлова Н.Н. Советские люди (сцены из истории). М.: Издательство «Европа», 2005. 527 с.; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. / Н.Б.Лебина. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. 320 с.; Лебина Н.Б.

- Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. 488 с.
3. Рольф М. Советские массовые праздники / М. Рольф; [пер. с нем. В.Т. Алтухова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б. Ельцина, 2009. 439 с. (История сталинизма).
 4. Ісайкіна О. Д. Побут і дозвілля міського населення України в повоєнний період (1945–1955 рр.): Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Переяслав-Хмельницький державний педагогічний ун-т імені Григорія Сковороди. Переяслав-Хмельницький, 2005. 240 с.; Герасимова М.С. Повсякденне життя населення Донбасу в 1945-1953 рр.: Дис. на здоб. наук. ступ. канд. іст. наук (07.00.01) / Наук. кер. О.В. Стяжкіна; Донец. нац. ун-т. Донецьк: ДонНУ, 2007. 280 с.
 5. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 377.
 6. Очерки истории Донецкой областной партийной организации / Ред. Слинько А.А. Донецк: Издательство «Донбасс», 1978. С. 334.
 7. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). Ф. Р-4983. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
 8. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 52. Л. 78.
 9. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 66. Л. 70.; ГА ДНР. Ф. Р-4249. Оп. 2. Д. 3127. Л. 41-42.
 10. ГА ДНР. Ф. Р-4249. Оп. 2. Д. 8405. Л. 1-2; Ф. Р-4249. Оп. 2. Д. 5868, л. 2.
 11. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 52. Л. 50.
 12. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 4. Д. 1094. Л. 18.
 13. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 66. Л. 70.; ГА ДНР. Ф. Р-4249. Оп. 2. Д. 7371. Л. 2.
 14. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 7. Д. 379. Л. 82.
 15. Бюджет времени городского населения (под. ред. Б.Т. Колпакова, В.Д. Патрушева). М.: Статистика, 1971. С. 15.
 16. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 66. Л. 70.
 17. Красников Б.А. Юбилей Петровки / Б.А. Красников. – Донецк-Петровка, 2002. С. 10.
 18. Титаренко О.Ю. Культурне життя на Донбасі у відбудовчий період (1943-1953 рр.): Дис. на здоб. наук. ступ. канд. іст. наук (07.00.01) / Наук. кер. І.О. Кочергін; ДВНЗ «Національний гірничий університет» Дніпро, 2017. С. 84.
 19. Бровар О.В. Розвиток мережі культурно-мистецьких установ у шахтарських містах Донбасу: 1943-1964 рр. // Історичні і політологічні дослідження. - Донецьк, 2009. № 2(42). С. 176.
 20. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 10. Д. 126. Л. 2.

УДК 93/94(477.62)

Р.П. Соловьева

кандидат исторических наук,

ГО ВПО «Донецкий национальный университет

экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

Ю.М. Соловьева

ГО ВПО «Донецкий национальный университет

экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

e-mail: rpsol@mail.ru

В.И. ДЕГТЯРЕВ – РЕФОРМАТОР СОВЕТСКОГО ДОНБАССА

Аннотация

В статье изложена сущность деятельности представителя политической элиты В.И. Дегтярева в советском Донбассе. Раскрыты кризисные явления в развитии донецкого края. Рассмотрены особенности реформирования Донецкого региона. Показаны основные пути модернизации Донецка как столицы шахтерского края.

Ключевые слова: *В.И. Дегтярев, Донбасс, Донецк, угольная промышленность.*

Summary

The article describes the essence of the activities of the representative of the political elite V.I. Degtyareva in the Soviet Donbass. Crisis phenomena in the development of the Donetsk region are disclosed. The features of reforming the Donetsk region are considered. The main ways of modernizing Donetsk as the capital of the mining region are shown.

Keywords: *Keywords: V.I. Degtyarov, Donbass, Donetsk, coal industry.*

В контексте модернизации современного общества особую роль играют известные личности. Формирование политико-экономической идентичности Донецкого региона в историческом контексте имеет свои активные точки, периоды инновационных изменений и четкие характеристики приоритетов их качественной реализации. Основы формирования индивидуальности угольного региона были обозначены в период деятельности В.И. Дегтярева. Его имя навеки вошло в историю XX века как видного государственного лидера, определившего пути цивилизационного развития края, выбравшего путь патриотического проявления и персонификации региональных интересов Донбасса. Об основных этапах жизни и

деятельности В.И. Дегтярева писали соратники, друзья, ученые: Зоц И., Мазитова Л.З., Марченко Т., Степкин В. и другие.

Авторы статьи ставят цель – осветить основные пути модернизации советского Донбасса В.И. Дегтяревым.

Владимир Иванович Дегтярев – советский государственный и партийный деятель, выдающийся руководитель Донецкой области, Герой Социалистического Труда, один из самых ярких представителей политической элиты Донбасса советских времен. За время его работы первым секретарем обкома партии (с 11 июля 1963 по 6 января 1976 гг.), Донецк изменился до неузнаваемости, стал городом-миллионником, а сам он запомнился потомкам как реформатор и градостроитель. Его по праву называли «хозяином области» и в памяти людей это имя навсегда связано с золотым веком советского Донбасса.

В.И. Дегтярёв родился 19 августа 1920 года в Ставрополе в семье рабочего. В 1938 году закончил на «отлично» (с одной четверкой по русскому языку) железнодорожную среднюю школу №64 и поехал поступать в Московский горный институт (о своей «almamater» он будет помнить всегда, и диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук в 1971 году тоже защитил здесь) [1]. Пятый курс института он заканчивал уже в эвакуации в Караганде, работая на шахте. На фронт не пошел, поскольку горнякам Сталин запретил воевать – они нужны были в тылу. Он начинал простым инженером. Неделями не выходил с рабочими из подземелья [2]. Будучи студентом-старшекурсником, стал начальником участка шахты № 7 треста «Хакассуголь» Красноярского края. В начале 1944 года был направлен на восстановление угольных предприятий Ростовской области. После освобождения Донецкого края и по январю 1976 года его жизнь связана с Донбассом. В 1948 году получил назначение на одну из старейших шахт – №1 «Центральная», треста «Чистяковантрацит» (Торез), осуществлявшего горные работы с 1912 года. Так, возглавлять трест пришел 33-летний молодой управляющий. Необходимо было многое узнать и учиться у опытных шахтеров. Но молодой специалист отличался на общем фоне управленческих кадров треста. Годы военного и послевоенного периода становления личности, высокая ответственность, профессионализм выработали комплекс качеств, необходимых для руководителя угольным производством. Под его управлением предприятия не просто процветали, был создан мощный, чётко отлаженный механизм, работавший практически без сбоев. Горожане гордились этим. Высокий профессионализм, целеустремленность и требовательность позволили ему обеспечить стабильный рост показателей по всем направлениям производственной деятельности. Трест постоянно выполнял план угледобычи, внедряя передовые методы организации труда и новую технику [3; 4]. Шахта №1 «Центральная» стала наиболее успешным предприятием области. В ноябре 1956 г. угольная промышленность города добилась выполнения плана на 100,7%. А. Засядько решил внедрить инновационные технологии по добыче угля на крутых пластах – уголь пошел очень хорошо. Дегтярев В.И. оказался в центре этих событий и уже в 37 лет получил Героя Социалистического Труда, что для руководящего работника было редкостью.

В.И. Дегтярев был большим тружеником, хорошо знал свое дело, умел работать с людьми, поэтому продвинулся по карьерной лестнице до секретаря Донецкого областного комитета партии в 1957 году [5], перед которым стоял комплекс заданий, требующих незамедлительного решения. С переходом в обком ему был установлен оклад 4 тысячи рублей (в тресте он был свыше 8 тысяч рублей). Потом, когда работал первым секретарем, у него был оклад 500 рублей в месяц (при новом курсе) при отсутствии премий и прогрессивок. Руководители шахт, директора больших заводов (Азовсталь, НКМЗ) имели заработную плату 1000-1200 рублей в месяц.

Одновременно с успехами в угольной промышленности в критическом состоянии находилась социальная инфраструктура Донбасса. Нарастало количество нерешенных социальных проблем в шахтёрских городах и посёлках. В регионе на одного человека приходилось 3-4 кв. м жилья. Обычным считалось проживание в 8-квартирных домах до 30-32 семей, в комнатах площадью 12 кв. м зачастую ютилось 6-8, а то и 10 человек. Жилищный фонд в рабочих посёлках был лишен канализации и водопровода. Многие шахтные посёлки были расположены на расстоянии 35-40 км друг от друга и не имели подъездных соединительных дорог [1]. Функционировавшая в СССР система управления так и не разработала программу социального развития Донецкого региона. После посещения Донбасса Н.С. Хрущёвым была предложена широкомасштабная программа действий из 58 пунктов. Дегтярев должен был не просто контролировать, но и правильно организовать выполнение поставленных задач в рамках области. Как председатель областного совнархоза провёл республиканское совещание по вопросу реконструкции Донецкого бассейна. Акцент был сделан на необходимости разработки новой техники, доведением ее до промышленного производства, обеспечения шахт новым оборудованием. В итоге один из наиболее мощных индустриальных центров страны добывал более полумиллиона тонн угля в сутки, что составляло 90 % добычи по республике и одну треть по СССР.

Владимир Иванович сделал выбор в сторону развития научного потенциала Донбасса. Регионализация науки позволила руководству Донецка перейти к созданию в городе крупнейшего научного центра, ориентированного на подъем промышленного потенциала восточного региона. В 1959 г. в Донецк из Харькова был переведён институт советской торговли. 25 апреля 1960 г. крупнейший вуз города – индустриальный институт – был реорганизован в политехнический институт. В сентябре 1965 г. на базе Харьковского государственного университета был открыт Донецкий государственный университет. В декабре 1965 года был создан Донецкий научный центр АН УССР. Инновационный характер советской науки позволил к середине 60-х годов превратить Донецк в научный центр не только республиканского, но и союзного значения. Научный потенциал области активно работал в интересах народного хозяйства. Политика развития научного потенциала продемонстрировала свою практическую результативность. В 1967 г. на Всемирной выставке в Монреале «Экспо-67» труд шахтёров Советского Союза представлял

Донецк. На шестиметровом поворотном круге была смонтирована панорама крупной донецкой шахты [4].

Владимир Дегтярёв – легендарная личность в истории Донецкого края. За годы работы в Донецке он преобразил область и шахтёрскую столицу. Жизнь людей менялась к лучшему во всем. Особой заботой Дегтярева стал Донецк. Он хотел модернизировать его. На площади Ленина стояла лечебница для туберкулезников. Ее снесли за одну ночь: когда люди проснулись утром, ее уже не было. В городе объявили учения по гражданской обороне, приехали танки и разрушили старое здание. Так было и с бульваром Пушкина, который после застройки стал любимым местом Дегтярева.

Годы его правления можно назвать эпохой Возрождения Донбасса. Ему принадлежит много воплощенных идей, сделавших Донецк современным городом: разительно изменилась улица Артёма, построены Дворец молодёжи «Юность», цирк «Космос», Донецк обрёл славу города миллиона роз. Удивительной является история с «миллионом роз». Современное молодое поколение вряд ли знает, что в советское время в Донецке рос миллион роз – по числу жителей. Эта задумка появилась у Владимира Ивановича после поездки во Францию, где он посетил Версаль. Совместными усилиями промышленный мегаполис превратился в город миллиона роз. Застройка улицы Университетской, открытие военно-политического училища, появление универмага «Белый Лебедь», ледового дворца «Дружба», Ботанического сада, строительство здания Краеведческого музея, разбивка парка Ленинского комсомола и бульвара Пушкина состоялись благодаря желанию Дегтярева превратить Донецк в настоящую столицу шахтерского края [2; 5]. Под экспозиции ботанического сада в восточной части города на границе с Макеевкой было выделено 275,5 га земли. Не привлекательный промышленный пейзаж старого Донбасса был заменен новой парадигмой промышленного градостроения, в структуру формирования Донецка была заложена совершенно иная составляющая. В результате вырос город, соответствующий самым взыскательным канонам мировых стандартов второй половины XX века. В 1970 году Донецк был признан ЮНЕСКО самым зелёным и самым лучшим промышленным центром в мире; привлёк внимание мировой общественности. Гости восхищались столицей шахтёрского края. Делегация руководителей угольной промышленности США, посетившая Донецк, была ошеломлена её красотой. Город был великолепен и произвел сильное впечатление: широкие улицы, большое количество садов, парков, деревьев. Популярность Донецка вышла за пределы железного занавеса Советского Союза. Представители союзной и международной промышленной элиты, журналисты, артисты, спортсмены считали обязательным для себя посетить город, познакомиться с жемчужиной Донбасса, встретиться с жителями, узнать успех возрождения Донецка. Город оставлял самые яркие воспоминания, опыт изучался и перенимался в разных странах мира. В.И. Дегтярев отстаивал Донецкий край в Москве; отказался от строительства АЭС в районе Мариуполя; выступил против опасного объекта, наличие которого представляло угрозу для людей, экологии и Азовского моря. Высшее руководство республики дало разрешение на АЭС в Чернобыле [5; 4].

Идея символа Донецка – памятника «Слава шахтерскому труду», расположенному на Шахтерской площади, также принадлежит Дегтяреву. Для Н.С. Хрущева был изготовлен сувенир – статуэтка шахтера с куском угля в вытянутой руке. Но вручить не успели: Никиту Сергеевича отправили в отставку, а подарок остался. Дегтярев В.И. решил превратить статуэтку в шестиметровый памятник, известный с тех пор всем дончанам.

Вопрос трудоустройства на Донбассе на повестке дня не стоял. На шахтах и заводах работы хватало. Чтобы задействовать женский труд, было принято решение развивать в регионе лёгкую промышленность – появился хлопчатобумажный комбинат. Сырьё шло из Узбекистана, а в Донецке выпускали ткани и шили одежду. Для рабочих были построены микрорайоны – Текстильщик и Петровка. Кроме того, женщины работали в сфере электроники – появились микрорайоны возле «Топаза» и «Скифа». Население Донецкой области выросло до 5,5 млн. человек.

Занимая самый высокий пост на Донбассе, Владимир Иванович продолжал оставаться очень скромным человеком. Его дом не охранялся, соседями были обычные шахтёры, личная машина отсутствовала. На работу Дегтярёв, как правило, ходил пешком. Секретарь донецкого обкома любил свой город и лучшим отдыхом для себя считал прогулку с работы и на работу по улице Артема. Иногда он сворачивал и заходил в пивные, где горняки отдыхали после смены, чтобы послушать, о чем говорят рабочие. Как талантливый и неординарный руководитель, он понимал, что о реальном состоянии дел в городе он узнает из разговоров с людьми, а не со страниц приглашенных отчетов. По субботам любил ходить по рынкам, покупал себе продукты, по пути обязательно заходил в продуктовые магазины и проверял, какой провиант завезли в торговые точки и чего не хватает на прилавках. Любил заглядывать в столовые, парикмахерские, общежития, магазины, пройтись по базару, поинтересоваться ценами. А потом указывал ответственным лицам на недочёты, эффективно решал продовольственные проблемы города и области. Он был очень строгим. Себя называл жёстким руководителем, спуску не давал, мог за нерадивость снять с должности. Сам всё держал под контролем. Однажды после работы Владимир Иванович зашёл в овощной магазин за луком. Продащица его не узнала. Взвесила лук, но не было упаковочной тары. Он предложил насыпать в кепку. Пришёл домой с полной кепкой лука. А на следующий день устроил серьёзный разнос ответственным лицам. Сразу же во всех магазинах области ввели бумажные упаковочные пакеты.

Во времена Дегтярева глобальных проблем не было. Дороги были хорошие, улицы чистые, город ярко освещён, школы отремонтированы, отопление подавалось в срок; транспорт ходил допоздна, чтобы рабочие ночных смен могли уехать домой. Над школами, детсадами держали шефство заводы, проводились своевременные ремонты. В мае составлялись планы подготовки домов к зиме. В частном секторе был газ, вода, канализация.

По его приглашению гостил в Донецке М.С. Горбачев – тогда еще первый секретарь Ставропольского края. Прогулка на катере по морю должна была стать

завершающим аккордом визита на Донбасс. Катер на крутом вираже перевернулся, Горбачев стал тонуть – не умел плавать, но его успели спасти.

Если говорить о хобби Дегтярева В.И., то он очень любил ходить пешком. Был заядлым книголюбом, владел шикарной библиотекой. Футбол просто обожал, не пропускал ни одного матча. В молодости даже сам играл за одну из команд. В Донецке шефствовал над футбольной командой. Ввёл оранжево-чёрную форму «Шахтёра», символизирующую цвета огня и угля. При нем появилась тренировочная база на Кирша, футболисты получили к стандартным ставкам еще и солидные шахтные надбавки, а в Донецке сформировался футбольный коллектив, равный лидерам советского футбола. На трибуне стадиона руководство области не только «болело» за «Шахтер», в неформальной обстановке обсуждали и решали проблемы Донбасса.

Внуков Анну и Владимира сына Бориса он не баловал. Был строгим, но добрым дедушкой: никогда не повышал голос, давал понять, что недоволен только изменением тона. Но нежность, любовь, доброта проявлялись во многих аспектах. Все каникулы внуки проводили в Киеве, часто с ним гуляли. После обеда – обязательный традиционный отдых в парке. Очень любили петь с ним старые или военные песни. Когда был на пенсии, во время прогулок, подходили его бывшие коллеги, разговаривали о жизни, об экономическом положении, утверждали, что нужно вводить «дегтярёвщину» [2; 5].

Октябрь 1964 г. ознаменовался значительными изменениями в политической жизни страны. Н.С. Хрущев был смещён с должности. К власти пришло консервативное крыло партийной элиты во главе с Л.И. Брежневым, взявшее курс на свертывание хрущёвских реформ в экономике и общественной жизни. В. Дегтярев подготовил письмо на имя Л.И. Брежнева, которое осталось без ответа. Принял чрезвычайно смелое и ответственное решение выступить с докладом, который произвёл огромный резонанс и имел чрезвычайное значение для базовой отрасли. Он был в роли генератора, осознанно задавшего траекторию будущего развития угольной промышленности Донбасса. К середине 70-х годов Донецкая область перешагнула в 100 млн. т добычи угля [4]. В 1976 году в ходе политических интриг в Киеве Дегтярев был смещен со своего поста. А.Н. Косыгин, Председатель Совета Министров СССР, узнав о снятии Дегтярева, сказал, что такими хозяйственниками не разбрасываются. В.И. Дегтярёв вынужден был согласиться на должность, которая явно не отвечала его уровню и потенциалу. С декабря 1975 года он работал в Киеве председателем Государственного комитета по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и горному надзору при Совете Министров УССР. Его знали многие, не только высшее начальство, но и простые люди. Он был очень хороший организатор, хозяйственник, отличный управленец. Если ему докладывали, что в такой-то шахте не решён тот или иной вопрос, садился в машину, ехал туда, смотрел и решал сразу. А не доводил проблему до трудно разрешимого критического уровня. Когда оставил свой пост в Донецке и переехал в Киев, сильно скучал по Донбассу – там осталось дело всей его жизни. Перевод в столицу его сильно

подкосил, особенно, когда вышел на пенсию в 1987 году, начал болеть [5]. Умер 16 октября 1993 г. Похоронен в Киеве на Байковом кладбище.

В.И. Дегтярева помнят и чтят. В 1957 году ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. Награжден 4 орденами Ленина (1957, 1966, 1970, 1973 гг.), орденами Трудового Красного Знамени (1947 г.), Дружбы Народов (1973 г.), медалями, нагрудным знаком «Шахтерская слава» трех степеней. Память легендарного руководителя области увековечена в Донецке в названии одной из улиц. 21 ноября 2001 года в Киевском районе города ему установлен памятник. Бюст выполнен из бронзы весом 350 килограммов. Установлена памятная доска на здании Ворошиловского исполкома, в котором он работал, мемориальная табличка на стене магазина «Дончанка» и на здании управления государственного предприятия «Торезантрацит» в городе Торез. Его деятельности посвящены многочисленные статьи донецких краеведов и ученых. В день рождения, 19 августа, каждый год у памятника Владимиру Дегтярёву собираются его бывшие коллеги – старая гвардия. В памяти благодарных потомков навсегда останется человек, который сделал Донецк шахтерской столицей, любил общаться с рабочими, качественно преобразил область и ФК «Шахтер». История расставляет все по своим местам и оставляет в своих записях имена достойных. «Золотой век» донецкого региона уже принято связывать с именем Владимира Дегтярева. Для многих он запомнился выдающимся градостроителем и реформатором, но для близких ему людей он останется человеком, который хотел делать людям добро [2; 5]. Владимир Иванович был гордостью Донбасса: хороший организатор, руководитель, умеющий подбирать кадры. Он смог поднять Донецкий регион на небывалый уровень, создал экономический, культурный и социальный расцвет края, который всегда будут помнить благодарные потомки. Донбасс должен гордиться своими героями!

Выводы: таким образом, достижения в советском Донбассе связаны с именем В.И. Дегтярева – известного реформатора, градостроителя, хозяина Донецкой области, начальника треста «Чистяковантрацит», секретаря областного комитета партии; председателя областного совета народного хозяйства; первого секретаря обкома партии; известного государственного деятеля, настоящего руководителя, который искренне любил Донецк, в течение многих лет обеспечивал всестороннее развитие крупнейшего промышленного региона республики, создавая условия для гармоничного прогресса индустриальной, аграрной, научной и социальной сфер жизни области.

Ссылки и примечания:

1. Степкин В. Горный инженер Владимир Дегтярев. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://infodon.org.ua/donetsk/gornyj-inzhener-vladimir-degtyarev>
2. Марченко Т. Владимир Иванович Дегтярев. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://infodon.org.ua/pedia/632>
3. Дегтярёв Владимир Иванович. Герой социалистического труда [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=15041

4. Мазитова Л. В. Дегтярев. Жизнь, посвященная Донбассу. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dongeosociety.ru/people/degtyarev/>
5. Владимир Дегтярёв. Его называли «Хозяином Донбасса». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gazeta-dnr.ru/vladimir-degtyaryov-ego-nazyvali-hozyainom-donbassa/>

УДК 378.1(477.6) “1954/1964”(045)

М. А. Полякова

ГОУ ВПО «ГИИЯ»

e-mail: polyakova.mariya.93@mail.ru

СТРУКТУРА ВЫСШИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДОНБАССА В 1954 – 1964 ГГ.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению структуры педагогических институтов Донбасса в 1954 – 1964 гг., описанию процесса ее преобразования и реструктурирования, а также определению причин и последствий развертывания данного процесса.

***Ключевые слова:** структура педагогического института, факультет, кафедра, подготовительные курсы, педагогическое образование, базовые школы, лаборатории, предметные кабинеты.*

Summary

The article is devoted to the consideration of the structure of the pedagogical institutes of Donbass in 1954 - 1964, the description of the process of its transformation and restructuring, as well as the determination of the causes and consequences of the deployment of this process.

Keywords: structure of the pedagogical institute, faculty, department, preparatory courses, pedagogical education, basic schools, laboratories, subject classrooms.

Народное образование – важная составляющая благополучия общества и процветания государства. В этой связи становится актуальным изучение процесса преобразования педагогического образования в СССР в 1954 – 1964 гг. с целью извлечения позитивного опыта для организации и совершенствования современной системы образования.

Целью статьи является рассмотрение структуры высших педагогических учебных заведений Донбасса в 1954 – 1964 гг., а также изучение процесса структурных преобразований педагогических вузов и определение причин развертывания данного процесса.

Сеть высших педагогических учебных заведений Донецкой (Сталинской с 1938 – 1961 гг.) и Луганской (Ворошиловградской до 1958 г.) областей в 1954 – 1964 гг. была представлена Луганским (Ворошиловградским) педагогическим институтом, Донецким (Сталинским) педагогическим институтом, Славянским педагогическим институтом и Горловским педагогическим институтом иностранных языков.

Структура высших педагогических учебных заведений включала в себя факультеты, кафедры, учебно-консультационные пункты и учебно-вспомогательных учебные учреждения (лаборатории, кабинеты, учебные хозяйства, цеха, мастерские и т.д.), а также предметные комиссии. Имелось несколько форм обучения с отрывом (заочное, вечернее) и без отрыва (дневное с производственной работой или практикой на старших курсах) от производства.

Структура и целевая направленность высших педагогических учебных заведений Донбасса не были статичны и регулярно видоизменялась. Укрупнялись и переводились отдельные направления подготовки, с целью экономии государственных средств и открытия новых специальностей. Так, в соответствии с приказом №299 были объединены исторические факультеты Ворошиловградского и Сталинского педагогических институтов [6], позже истфак Сталинского педагогического института расширился за счет передачи исторического факультета Кировоградского педагогического института [4].

В конце 1950-х гг. стоял вопрос подготовки специалистов с дошкольным образованием. Как результат открытие при Сталинском педагогическом институте факультета дошкольного воспитания с отделениями: педагогика и психология (дошкольная) [9]. Не оставалась без внимания и начальная школа, в 1960 г. при Сталинском педагогическом институте был открыт педагогический факультет по специальности «Педагогика, психология» [7].

Очередным структурным преобразованием, востребованным потребностями школы стало учреждение музыкально-педагогических факультетов. Поскольку к началу 1962 – 1963 учебного года школы УССР не были обеспечены музыкальными работниками с высшим педагогическим образованием. В соответствии с приказом Министерства образования УССР №143 «О создании вечерних музыкально-педагогических факультетов при отдельных педагогических институтах УССР» начиная с 1962 – 1963 учебного года при Донецком и Луганском педагогических институтах были организованы вечерние музыкально-педагогические факультеты [11]. Музыкально-педагогические факультеты готовили учителей пения и музыки для средней школы, а также методистов музыкального воспитания.

Возвышение СССР на международной арене и членство в международных организациях обусловили потребность в англоязычных специалистах, в том числе

педагогах. Так, согласно приказу Министерства, высшего и среднего специального образования, а также Министерства образования УССР №536 от 21.07.1962 г. ректора педагогических вузов обязывались, начиная с 1962 – 1963 учебного года ввести подготовку учителей общеобразовательных дисциплин для работы в школах с преподаванием ряда предметов на иностранных языках. В Донецком педагогическом институте предполагалась подготовка таких специалистов по направлению математика [12].

Научно-технический прогресс, потребность в высококвалифицированных производственных кадрах обусловили рассуждения и исследования в области политехнического образования, что привело к преобразованиям внутри средней и высшей школы. Закон «О связи школы с жизнью и дальнейшем развитии народного образования» активизировали ход данных изменений, Министерство образования УССР хлопотало перед Министерством высшего образования СССР об организации при пединститутах, со значительным контингентом студентов, кафедр основ производства [8]. Такая кафедра, с уклоном на сельскохозяйственное производство, была открыта при Луганском педагогическом институте. Схожие цели преследовала организация кафедр общетехнических дисциплин при Луганском и Сталинском педагогических институтах [10].

Развитие экономики и предприятий государства, потребность совершенствования знаний и навыков работников без отрыва от производства обуславливали дискуссии о методике организации заочного образования. Решением стали общенаучные факультеты на базе высших учебных заведений, колхозов и предприятий. Общенаучные факультеты были призваны осуществлять обучение студентов – заочников I – III курсов по унифицированным (т.е. единым для всех общенаучных факультетов) планам [3]. Необходимым условием для организации общенаучных факультетов было наличие материально-технической базы в местах сосредоточения не менее трехсот студентов-заочников I – III курсов не инженерных специальностей.

Целями организации общенаучных факультетов было совершенствование системы и качества подготовки специалистов без отрыва от производства, а также улучшение условий для обучения студентов-заочников [ГА ЛНР Р-416 №2/№315 Приказы и директивные письма Министерства просвещения УССР для руководства Л.8]. План их достижения предполагал приближение учебно-научных центров и профессорско-преподавательского штата к месту жительства и трудовой деятельности студентов-заочников, что позволило увеличить численность очных занятий и консультаций. Унифицированные учебные планы позволили преодолеть разрыв, существующий между отдельно взятыми рабочими, т.е. подтянуть общенаучный уровень знаний студентов.

Общенаучные факультеты являлись структурным подразделением стационарных вузов (очных, вечерних, заочных) и находились в их подчинении. За всеми общенаучными факультетами закреплялись территориальные зоны, установленные Министерством высшего и среднего специального образования УССР, студенты заочники закреплялись за факультетами, располагавшимися в

области их жительства. Подобный подход имел положительную (четкое распределение студентов и обеспечение минимальным набором всех факультетов), так и негативную (ограничение права выбора абитуриента) сторону.

Сеть общенаучных факультетов Донбасса была представлена: Горловским общенаучным факультетом Харьковского национального университета (отделения: гуманитарное, агробиологическое, экономическое); Славянским общенаучным факультетом Харьковского национального университета (отделения: гуманитарное, агробиологическое, экономическое); Донецким (отделения: математическое, агробиологическое, гуманитарное); Луганским (отделения: гуманитарное, математическое, агробиологическое) [2]. Внутренняя структура общенаучных факультетов была схожа с традиционными факультетами.

В целях оказания помощи работающей молодежи в намерении получения высшего специального образования при высших учебных заведениях открывались рабочие факультеты, обучение в которых было бесплатным в отличие от подготовительных курсов. При Сталинском педагогическом институте такой факультет был открыт в 1959 г. [1]. Численность слушателей рабочих факультетов увеличивалась с каждым новым учебным годом.

К 1961 – 1962 учебному году структура высших педагогических учебных заведений Донбасса относительно устоялась и была утверждена уставами данных учебных заведений. Приказ об их утверждении был издан Министерством образования УССР за №245 от 27.11.1961 г. [16].

Все педагогические институты Донецкого региона имели базовые школы, для организации практики, а Луганский педагогический институт, имеющий природно-географический факультет, располагал опытным участком для обеспечения полевой практики студентов.

Экономическое развитие области и потребности государства обусловили очередную волну структурных преобразований в высшей педагогической школе Донецкого региона. Согласно приказу №153/457 Министерства образования УССР и Министерства высшего и среднего специального образования УССР «О подготовке в Донецком экономическом административном районе специалистов с университетским и педагогическим образованием» были внесены изменения в структуры Донецкого и Славянского педагогических институтов. При донецком педагогическом институте сохранился контингент дневного и заочного обучения (специальности: история, русский язык и литература, украинский язык и литература, математика, физика, педагогика и психология), вечернего обучения (специальности: педагогика и психология (дошкольная), педагогика и методика начального образования), а также общенаучный факультет. Славянский педагогический институт пополнился за счет студентов дневного (специальности: дошкольная педагогика и психология, музыка и пение), вечернего (музыка и пение) и заочного (специальности: музыка и пение, дошкольная педагогика и психология) отделений [13].

Данный шаг стал подготовительным этапом для вступления в ход приказа по Министерству высшего и среднего специального образования УССР №505 от

14.09.1964 г. «О подготовке специалистов с университетским образованием в г. Донецке». Так, Донецкий государственный педагогический институт подчинялся Харьковскому государственному университету и рассматривался как Донецкий филиал Харьковского ордена Трудового Красного Флага государственного университета имени О. М. Горького. В учебном процессе филиал подчинялся Харьковскому государственному университету, то финансово-хозяйственные дела находились под контролем Министерства высшего и среднего специального образования [14]. Раздел и перевод специальностей в Донецком педагогическом институте объясняется необходимостью его подчинения Харьковскому государственному университету и сопряжения с его направлениями подготовки.

Важной частью профориентационной работы высших учебных заведений стали подготовительные курсы – также структурная часть вузов. Система курсовой подготовки не ограничивалась обучением абитуриентов. При крупных педагогических институтах с к. 1950-х гг. начали действовать курсы переподготовки учителей и руководящих кадров в объеме 3 – 5 месяцев при соответствующих профилю переподготовки факультетах [15]. Для организации работы подготовительных курсов и курсов переподготовки привлекались наиболее квалифицированные преподаватели из числа профессорско-преподавательского штата соответствующего вуза, их работа дополнительно оплачивалась.

В 1954 – 1964 гг. в Донбассе была организована разветвленная система высшего педагогического образования, соответствующая сельскохозяйственным, промышленным и социальным потребностям региона. Структура педагогических институтов регулярно преобразовывалась за счет объединения, реорганизации и преобразования. Все структурные изменения сопрягались с общественными и государственными запросами. Создание базы для специальной подготовки преподавателей начальной школы и специалистов с дошкольным образованием отвечал на социальный запрос. Реорганизация учительских институтов в педагогические, а также организация общенаучных факультетов соответствовала запросам государства – подготовка высококвалифицированных специалистов, соответствующих потребностям набравшего обороты научно-технического прогресса.

Ссылки и примечания:

1. Годовой отчет об учебно-воспитательной и научной работе института за 1960 – 1961 уч.г.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1д. Д. 412. Л. 4.
2. Годовой отчет института об учебно-воспитательной и научной работе института за 1961 – 1962 уч. г.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 443. Л. 4.
3. Годовой отчет института об учебно-воспитательной и научной работе института за 1961 – 1962 уч. г.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 443. Л. 5.
4. Директивы Министерства просвещения УССР.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 305. Л. 254.

5. Приказы Министерства просвещения УССР.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 304. Л. 74.
6. Приказы и директивные письма Министерства просвещения УССР для руководства.// Гос. архивная служба ЛНР. Р-416. Оп. 2. Д. 315. Л. 8.
7. Приказы и директивы Министерства высшего и среднего специального образования СССР.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 346. Л.134.
8. Приказы и директивы Министерства образования УССР.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 349. Л.152.
9. Приказы Министерства просвещения УССР.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 384. Л. 15.
10. Приказы Министерства просвещения УССР.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 384. Л. 113.
11. Приказы Министерства высшего специального образования УССР, Министерства просвещения УССР и инструктивные указания, касающиеся деятельности института.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 429. Л.14.
12. Приказы Министерства высшего специального образования УССР, Министерства просвещения УССР и инструктивные указания, касающиеся деятельности института.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 429. Л.17.
13. Приказы и инструктивные указания Министерства высшего и среднего специального образования УССР и Министерства просвещения УССР, касающиеся деятельности института.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 501. Л. 35.
14. Приказы и инструктивные указания Министерства высшего и среднего специального образования УССР и Министерства просвещения УССР, касающиеся деятельности института.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 501. Л. 46.
15. Протоколы заседания совета института за 1958 – 1959 уч.г.// Р-3765. Оп. 1. Д. 357. Л. 60.
16. Устав Донецкого государственного педагогического института.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 399. Л.1.

УДК 321.013

В.И. Сальников

кандидат исторических наук,

Воронежский государственный университет,

директор Центра исследований проблемной государственности

e-mail: vyachs@yandex.ru

ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация

В данной статье анализируются проблемы и перспективы молодой государственности Донецкой Народной Республики. Ее автор, опираясь на результаты научных исследований, тексты «Концепции внешней политики ДНР», Минских соглашений, нормативно-правовых актов России и Украины, высказывания официальных лиц, приходит к выводу о необходимости усилить процессы интеграции ЛДНР в Русский мир и в евразийское экономическое пространство.

***Ключевые слова:** геополитика, непризнанные государства, Донецкая Народная Республика, Русский мир, Украина.*

Summary

This article analyzes the problems and prospects of the young statehood of The Donetsk People's Republic. The author, based on the results of scientific researches, on the texts of the "Concept of the Foreign Policy of the DPR", the Minsk Agreements, normative legal acts of Russia and Ukraine, statements of officials, comes to the conclusion that it is necessary to strengthen the processes of integrating the LDPR into the Russian world and the Eurasian economic space.

***Keywords:** geopolitics, unrecognized states, Donetsk People's Republic, Russian world, Ukraine.*

Донецкая Народная Республика, также как и Луганская Народная Республика, – самопровозглашенное государство, которое прошло путь от повстанческого государства, возникшего на обломках украинской государственности в период Русской Весны, где значительную роль играли стихия народной самоорганизации и полевые командиры, – до государства-де-факто, контролирующего занимаемую территорию, имеющее Конституцию и работающие органы государственной власти, исполняющие свои основные функции.

В этих сложных условиях власти республика сделала немало для институционализации своей государственной системы. Кроме принятия Конституции и организации народной милиции, были созданы органы государственной власти (законодательные, исполнительные, судебные и др.). Хотя и не без проблем, но функционируют налоговая система, системы образования, здравоохранения, социального обеспечения. Работают СМИ, формируя общественное сознание донетчан. Укрепляется законодательная база. Формируется система государственной и муниципальной службы ДНР. Республика возвращает себе контроль над предприятиями под украинской юрисдикцией, действующими на ее территории и не платящими налоги в республиканский бюджет. Работают программы по восстановлению разрушенного военными действиями жилья, социальной инфраструктуры, хозяйственных объектов. Совершенствуются механизмы государственно-частного партнерства и поддержки малого и среднего бизнеса. Несмотря на трудности, связанные с признанием, власти ДНР активно работают над привлечением инвестиций и над развитием инновационного потенциала республики. Действует Государственная программа по воссоединению народа Донбасса. Создана Специальная комиссия по фиксации и сбору доказательств военных преступлений украинской власти на Донбассе. Развиваются дипломатические отношения с другими непризнанными государствами (ЛНР, Южной Осетией, Абхазией) и, несмотря на санкции, – трансграничные межмуниципальные связи с российскими муниципальными образованиями. Постепенно, во многом благодаря российской помощи, восстанавливается экономика региона.

Однако у ДНР, как и у ЛНР, есть ряд проблем, без решения которых им не покинуть «зону проблемной государственности» [1], объединяющую государства, имеющие, как проблемы с контролем своих территорий, так и проблемы с международным признанием.

1. Несмотря на то, что в результате Минских соглашений произошла некоторая «заморозка вооруженного конфликта», до сих пор не налажены нормальные отношения с «материнским государством» – Украиной, отказывающейся признать суверенитет ЛНР и ДНР и не прекращающей вооруженные провокации в отношении этих республик.

2. Существуют также серьезные проблемы, связанные с регулированием экономики и с поступлением налогов от предприятий, расположенных на территории ДНР, в её бюджет. Несмотря на введение внешнего управления над предприятиями, находящимися в украинской юрисдикции, все еще сохраняется влияние украинских олигархов на экономику и политику республики.

3. Не введена собственная валюта, что препятствует обеспечению экономического суверенитета.

4. В республике до сих пор так и не проведены выборы в органы местного самоуправления, что не позволяет завершить процесс создания легитимных, демократически избранных органов власти.

5. Неурегулированный международно-правовой статус (непризнанность) создает серьезные препятствия для осуществления внешнеэкономической деятельности, заключения торговых контрактов, реализации инвестиционных и инфраструктурных проектов [2].

Непризнанность ДНР и ЛНР, вкупе с отсутствием необходимых для самостоятельного развития ресурсов, негативно сказываются и на перспективах их государственности, в силу чего пока открытыми остаются вопросы:

- 1) сохранят ли они курс на независимость;
- 2) войдут ли в состав нового государства (Новороссии, Малороссии и т.п.);
- 3) продолжат интегрироваться в РФ и ЕАЭС;
- 4) вернутся в состав Украины;
- 5) согласятся на международный протекторат после ввода миротворцев?

Утвержденная 1 марта 2019 г. «Концепция внешней политики Донецкой Народной Республики», согласно которой «внешняя политика Донецкой Народной Республики направлена на защиту ее государственного суверенитета, создание благоприятных внешних условий для политического, социального и экономического развития, расширения и укрепления международного сотрудничества, модернизации основных сфер деятельности государства» [3], несколько проясняет ситуацию о намерениях нынешнего руководства республики.

Так в качестве целей внешней политики выбраны:

- а) защита прав и свобод граждан Донецкой Народной Республики <...>, проживающих на территории ДНР и за ее пределами;
- б) обеспечение государственной безопасности дипломатическими методами;
- в) достижение признания права на суверенитет Донецкой Народной Республики мировым сообществом, увеличение количества государств, признавших независимость ДНР;
- г) обеспечение дипломатическими методами благоприятных внешних условий для развития Донецкой Народной Республики как независимого субъекта международного права;
- д) обеспечение участия Донецкой Народной Республики в интеграционных процессах на постсоветском пространстве;
- е) урегулирование вооруженного конфликта на территории ДНР посредством исключительно мирных равноправных политических переговоров на основе принципов, заложенных в Минских соглашениях.

Данные цели должны достигаться через решение следующих задач:

- а) достижение устойчивого мира между Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой с одной стороны и Украиной с другой стороны;
- б) совместно с международным сообществом через механизмы дипломатии оказание влияния на руководство Украины в целях выполнения обязательств, принятых Украиной в рамках Минских соглашений;
- в) международное правовое признание и вступление в Организацию Объединенных Наций;
- г) развитие дружественных связей со странами постсоветского пространства и использование различных механизмов для участия в евразийских интеграционных объединениях, таких как СНГ, Евразийский экономический союз, ШОС;
- д) установление и развитие сотрудничества, укрепление отношений в различных сферах с другими государствами, международными организациями, экономическими и гуманитарными институтами, фондами и общественными организациями различных уровней;
- е) обеспечение информационной безопасности Донецкой Народной Республики;
- ж) использование инструментов общественной дипломатии;
- з) создание позитивного образа Донецкой Народной Республики на международной арене;
- и) переход на стандарты Организации договора о коллективной безопасности с дальнейшей перспективой присоединения к ней Донецкой Народной Республики [4].

Правда, многое здесь зависит от расклада сил на международной арене, и прежде всего: 1) от позиций украинского «материнского государства» по отношению к своим «выпавшим регионам», пребывающим в состоянии «фактической сецессии» [5], и 2) «государства-патрона» – РФ, без чьей помощи донбасские самопровозглашенные республики не состоялись бы, но которое пока их официально считает «особыми районами Донецкой и Луганской областей Украины» [6].

Что касается *позиции Украины*, то, несмотря на смену политических элит, официальный Киев не оставляет надежд водрузить украинский флаг над ЛДНР. Хотя стоит отметить и определенную эволюцию. Вначале «революционный» киевский режим намеревался вернуть отделившийся Донбасс вооруженным путем. Однако неудачи под Степановкой, Мариновкой, Амвросиевкой, Старобешеве вынудили П.А. Порошенко пойти на мирные переговоры в рамках «минского формата», где лидеры ДНР и ЛНР воспринимались уже не как «промосковские террористы», а как самостоятельные участники переговорного процесса [7]. Параллельно с Минским процессом шли встречи «нормандской четверки», во время которых лидеры России, Германии и Франции могли оказать воздействие на Украину

для скорейшего завершения конфликта. Для чего и была предложена т.н. «формула Штайнмайера», согласно которой:

1) Украина принимает закон об особом порядке проведения местных выборов на неподконтрольных территориях;

2) далее проходят выборы на территории ЛНР и ДНР;

3) после их проведения и публикации отчета ОБСЕ с подтверждением демократичности выборов закон «Об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» временно вступает в силу;

4) после внесения изменений в Конституции об особом статусе Донбасса и передачи контроля Украине над границей с Россией закон об особом статусе Донбасса обретает постоянное действие.

Однако Украина, поддерживаемая США и их союзниками, всячески затягивала ее имплементацию, ее спецслужбы осуществляли террористическую деятельность в отношении политической и военной элиты республик, была организована экономическая блокада ЛДНР, велась массированная информационная война.

Новый президент Украины – В. Зеленский, в отличие от своего предшественника, отдает предпочтение методам «мягкой силы». Он инициировал создание русскоязычного канала для антироссийской пропаганды, вещающего также и на Россию; украинским Кабинетом министров принята Стратегия информационной реинтеграции Донецкой и Луганской областей; создана рабочая группа по вопросам «реинтеграции» Донбасса и т.п. Заявлено о переговорах по привлечению иностранных инвестиций в инфраструктуру Донбасса. Обещано снять транспортную и экономическую блокаду Донбасса. Начали благоустраиваться КПП на границе Украины и ЛДНР. Предложено облегчить процедуру получения украинских пенсий жителями ЛДНР. Усилена информационная обработка молодежи республик Донбасса, приглашая их поехать работать и учиться на Украину...

Говоря о необходимости продолжения Минского процесса, новые киевские власти понимали, что выполнение Минских соглашений способствует превращению Донбасса в альтернативный, неподконтрольный украинскому руководству центр влияния на внешнюю и внутреннюю политику государства. Отсюда вытекает желание пересмотреть соглашения, «отредактировать» или «адаптировать» их, изменить последовательность шагов. Так появилась т.н. «формула Зеленского», подразумевающая: «вывод российских войск», сдачу оружия Народной милицией, передачу российско-ЛДНРовской границы под контроль Украины, проведение на территории самопровозглашенных республик местных выборах с участием украинских партий по украинским законам [8]. При этом в Киеве не собираются изменять украинскую Конституцию и закреплять там особый статус ОРДиЛО.

Хотя на российско-украинском направлении в последнее время произошли определенные позитивные изменения, связанные с назначением

А.Б. Ермака и Д.Н. Козака, тем не менее, стоит признать, что компромисса по Донбассу не хочет ни украинская элита, ни электорат, а Зеленский не контролирует формирования, воюющие на стороне Украины в зоне конфликта, продолжающие вооруженные провокации и обстрелы населенных пунктов в прифронтовой зоне.

Поэтому *Россия, как стержневое государство Русского мира*, просто обязана не допустить зачистки Донбасса украинскими националистами и усилить курс на интеграцию ЛДНР в Русский мир и в евразийское экономическое пространство. Здесь, несмотря на отсутствие официального признания ДНР и ЛНР со стороны России, сделано немало.

17 марта 2017 года создан Интеграционный комитет «Россия – Донбасс» – общественная структура, деятельность которой нацелена на усиление процесса экономической, гуманитарной, социальной, культурной интеграции Донбасса и РФ. Вошедший в Комитет спикер крымского парламента В.А. Константинов для более тесного сотрудничества с ЛНР и ДНР предложил создать специальный проект «Россрегион» по аналогии с еврорегионами [9]. Во время официального визита в ДНР координатор Комитета – А.Д. Козенко заявил: «Мы относимся к республикам Донбасса как к субъектам Российской Федерации... Все депутаты Госдумы всей душой болеют за Донбасс, а в рамках работы интеграционного комитета будет сделано всё возможно для ускорения интеграции ЛНР и ДНР с Россией» [10].

С целью усиления процессов интеграции Донбасса с Российской Федерацией в гуманитарных, социальных и культурных аспектах, создания прочных и устойчивых взаимоотношений между общественными организациями Донецкой Народной Республики и субъектами Российской Федерации в 2018 г. при помощи Фонда «Русский Мир» основан Русский Центр. Интеграционная программа Русского Центра направлена на развитие спорта, совершенствование систем образования и здравоохранения, патриотическое воспитание, установление общественных и профсоюзных связей. Руководителем Русского Центра является Д.В. Пушилин – нынешний Глава Республики. В рамках интеграционной программы ДНР через Русский центр сотрудничает с десятками субъектов Российской Федерации. Основная цель Центра – интеграция Донбасса с Россией, воссоединение с Российской Федерацией [11].

Подписание президентом В.В. Путиным указа об упрощенном получении российских паспортов жителями ДНР и ЛНР [12] ряд российских политиков охарактеризовали как важную веху в интеграции Донбасса и России. А так как российский лидер не исключил, что в скором времени данная упрощенная процедура будет распространена на всех граждан Украины, так как русские и украинцы, по его мнению, – один народ [13], то это может быть расценено как заявка на возвращение Украины в Русский мир. Но для этого нужно очень много сделать. И республики Донбасса могут сыграть здесь важную роль, выступив в «роли локомотива, который когда-

нибудь потащит вагоны с украинскими областями в нужном направлении» [14]. Особенно, после того как на Украине к власти придут здоровые силы. Применительно к Зеленскому и «Слуге народа» это пока сказать нельзя – несмотря на ряд конструктивных заявлений, внутренняя и внешняя политика Украины продолжает антинародный, антироссийский и прозападный курс его предшественника.

Ссылки и примечания:

1. Сальников В.И. Донецкая и Луганская народные республики как проблемные государства: современные реалии и возможные перспективы / В.И. Сальников, Ю.В. Небольсин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. №1. С.105-107.
2. Сальников В.И. Проблемы государственного развития и управления в непризнанных государствах постсоветского пространства (на примере ДНР и ЛНР) / В.И. Сальников, Ю.В. Небольсин // Регион: системы, экономика, управление. 2018. №4. С.129.
3. Концепция внешней политики Донецкой Народной Республики, утв. Указом Главы Донецкой Народной Республики от 01 марта 2019 г. №56 (п.1) // Министерство иностранных дел Донецкой Народной Республики: официальный сайт. 2019. 01 марта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mid-dnr.ru/pages/docs/ukaz-glavy-dnr-ob-utverzhdanii-konceptsii-vneshnej--1578/> (дата обращения: 26.03.2020).
4. Концепция внешней политики Донецкой Народной Республики... (п.3.1-3.2)
5. Попов Ф. Пространственные аспекты деградации и краха суверенного государства / Ф. Попов // МЭМО. 2014. №7. С.78-86.
6. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений // Официальный сайт ОБСЕ. 2015. 12 февр. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/cio/140221?download=true> (дата обращения: 26.03.2020).
7. Суций С.Я. Самопровозглашенные республики Донбасса – проблемы становления и возможные перспективы / С.Я. Суций // Черноморско-Каспийский регион: геополитика, этнополитические процессы и межрегиональные взаимодействия: сб. науч. ст. М.: РИСИ, 2015. С.206.
8. «Формула Зеленского» не предусматривает особого статуса для Донбасса // Новороссия. Информационное агентство. 2019. 19 сент. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://novorosinform.org/789220?utm_source=push-notification&utm_medium=push-world&utm_campaign=push (дата обращения: 28.03.2020)

9. Интеграционный комитет «Россия – Донбасс» проведет в 2017 году 500 мероприятий // ТАСС. 2017. 17 марта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4105701> (дата обращения: 24.03.2020)
10. Депутат Госдумы: Мы относимся к республикам Донбасса как к субъектам Российской Федерации // Исток. Информационное агентство. 2019. 22 марта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://miaistok.ru/deputat-gosdumy-my-otnosimsya-k-respublikam-donbassa-kak-k-subektam-rossijskoj-federatsii/> (дата обращения: 24.03.2020)
11. Денис Пушилин: Сверхзадача Русского центра – воссоединение Донбасса с Россией // Денис Пушилин. Глава Донецкой Республики: официальный сайт. 2018. 31 янв. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://denis-pushilin.ru/press/denis-pushilin-sverhzadacha-russkogo-tsentra-vossoedinenie-donbassa-s-rossiej/> (дата обращения: 24.03.2020)
12. Указ Президента Российской Федерации «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» №183 от 24.04.2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/laws/acts/32/495651.html> (дата обращения: 28.04.2020).
13. Путин упростил получение гражданства России для украинцев // REGNUM. 2019. 01 мая. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2622628.html> (дата обращения: 28.03.2020).
14. Бабицкий Андрей. «Интенсивная фаза интеграции». Как ДНР и ЛНР связаны с Россией? / Андрей Бабицкий // Украина.ру. 2019. 30 янв. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ukraina.ru/opinion/20190130/1022515489.html> (дата обращения: 24.03.2020).

УДК 316.42

Ю.Г. Тамбиянц

доктор философских наук,

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»

e-mail: 09081969jylian@rambler.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ДОНБАССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Аннотация

Статья предполагает методологический синтез марксистской и культурно-цивилизационной парадигм. Доказывается цивилизационная близость Донбасса к «русскому миру», а также усиливающаяся «инородность» региона для украинского политико-идеологического пространства. Обосновывается проблематика ДНР и ЛНР с точки зрения влияния глобализации и российского фактора.

Ключевые слова: *регион Донбасса, марксизм, культурно-цивилизационная парадигма, глобальный капитализм, российский фактор.*

Summary

The article involves a methodological synthesis of the Marxist and cultural-civilizational paradigms. The ethnic and cultural proximity of the Donbass to the “Russian world” is justified, as well as the growing “alienity” of the region for the political and ideological space of Ukraine. Some methodological issues of nation-building are touched upon. The problems of the DPR and LPR are substantiated in terms of the impact of globalization and the Russian factor.

Keywords: *Donbass region, marxism, cultural and civilizational paradigm, global capitalism, the Russian factor.*

Нынешний «подвешенный» статус Донецкой и Луганской республик вполне можно считать отражением кризисных тенденций в контексте не только международной, но и внутренней проблематики России. Восточно-украинский вопрос является одним из наиболее обсуждаемых предметов российского общественно-политического дискурса, зачастую выступая критерием определения идеологических позиций. В данной работе будет представлена в обобщенном виде картина сложившейся ситуации, на основе методологического синтеза марксистской и цивилизационной парадигм.

Представляется, что для характеристики современных макросоциальных процессов наибольшими объяснительными возможностями обладает марксизм, уловивший сущность феномена капитализма – постоянное стремление к увеличению прибыли, предполагающее вовлечение в капиталистические механизмы все новых ресурсов. Два современных обстоятельства дополнительно упрочивают позиции марксизма – экономический фундаментализм и глобализация. В последние десятилетия капиталистические принципы заняли доминирующие позиции в мире, выступая основным фактором формирования мировой системы. Мощным потенциалом проникновения в глобальный капитализм обладает неомарксистский мир-системный анализ в различных своих модификациях (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Б. Кагарлицкий, Д. Харви). Тем не менее любой теоретический подход не лишен слабых мест и марксизм – не исключение. Его абсолютизация зачастую ведет к обеднению объяснительных возможностей, обнаруживая явные натяжки или даже пробелы, проясняемые за счет привлечения других подходов. Помимо марксизма уместно обратиться к культурно-цивилизационной парадигме, частично используемой М. Вебером.

Цивилизационный подход принимают в расчет при объяснении современности С. Хантингтон, З. Бжезинский, А. Уткин, М. Делягин и др. В их видении глобализация представляется не столько конкуренцией стран, сколько целых цивилизаций, предполагающих в первую очередь культурные различия. М. Делягин подмечает, что цивилизационная конкуренция значительно более жестка и бескомпромиссна, так как предполагает куда более фундаментальные различия субъектов. Западный мир обеспечивает свое культурно-цивилизационное единство, в основном опираясь на либеральную идентичность. Сейчас у него решающее преимущество, так как он делает ставку на финансово-экономический образ действий, наиболее универсальный и понятный для всех. Глобальные конкуренты западной цивилизации стратегически уповают на иные куда менее привлекательные сущности. Совершенно любой участник рынка, вовлекаясь в мировые экономические и финансовые процессы, автоматически становится в цивилизационной конкуренции сторонником Запада, превращаясь в проводника его экономической и культурной экспансии. Именно этим обстоятельством служит причиной забвения многими государственными структурами собственных национальных интересов [1]. Это несколько суженное видение причин западного лидерства, и оно удачно дополняется З. Бжезинским, который считал, что мировое доминирование США зиждется на четырех основаниях, а именно экономическом, научно-технологическом, политическом и культурном превосходстве, «сочетание всех этих четырех факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова» [2].

С позиции марксистского и культурно-цивилизационного подходов можно объяснить очевидный на сегодняшний день кризис глобального

проекта. С одной стороны, развитие последнего привело как к обострению социальных противоречий, так и к внутриэлитному конфликту. С другой стороны, проект глобализма реализуется в ходе западной цивилизационной экспансии под идейным обоснованием глобального космополитизма, исключительно враждебного любой культурной традиции, и западная «почва» в этом плане не является исключением. В ходе усиления глобализации проявляется деформация национальной мифологии и сознания. Естественной реакцией общественных национальных систем на это является сближение левых и правых политических сил на почве отстаивания принципов социальной справедливости и этно-национальной идентичности. Если раньше сопротивление глобализму имело куда более фрагментарный характер, реализуясь в деятельности лишь отдельных, ориентированных на национальные, а не глобальные интересы лидеров, таких как А. Лукашенко (Беларусь) или У. Чавес (Венесуэла); то сейчас же эта тенденция явно нарастает, воплощаясь в фигурах Д. Трампа (США), Эрдогана (Турция) и др.

ДНР и ЛНР как раз и представляют собой феномены, для рассмотрения которых сочетание марксистской и культурно-цивилизационной парадигм будет весьма уместным. Происходящие в обеих республиках процессы обусловлены внешним окружением, отсюда при их анализе следует принимать в расчет раскол украинского общества, а также российские противоречия.

Сторонник марксизма Б. Кагарлицкий не без оснований усматривает в украинском кризисе отражение динамики мировых процессов. При этом названный кризис развивается скорее по «африканскому», чем по «европейскому» сценарию. По его мнению, недавно сложившиеся украинские государственные институты были еще довольно слабыми и нестабильными, в то время как население не имело опыта гражданской самоорганизации. А пресловутые Майданы являются лишь средством междоусобной борьбы групп коррумпированных политиков, но никак не гражданской мобилизацией [3].

Раскол Украинского общества обусловлен в первую очередь социально-экономическую подоплекой. Проблема Евроинтеграции жестко развела объективные интересы украинских Запада и Востока, став спусковым крючком для эскалации конфликта. Жители аграрной западной Украины, где была ликвидирована даже та небольшая промышленность, созданная во времена СССР, просто мечтали «о безвизовом выезде в Европу как о единственно доступном решении проблем». А вот для содержащего остальные регионы промышленного Юго-Востока, с его шахтами, заводами и экспортом, реализация договоренностей об ассоциации с ЕС означало бы экономическую катастрофу грандиозного масштаба [4].

Такой подход действительно проясняет социально-экономическую сторону вспыхнувшего конфликта. Логика глобального капитализма, подталкивая Украину к интеграции в европейскую экономику, автоматически превращала ее в периферию Евросоюза. Вследствие этого украинский Восток ждала бы реализация «ликвидационной» программы, что не могло устраивать

его жителей. Тем не менее, объясняя восстание в Донецке и Луганске с точки зрения лишь классовых противоречий, Б. Кагарлицкий приходит к выводу об идейной незрелости восставших, иллюзорности их сознания. Так, провозгласив создание Новороссии как нового государства, они так и не смогли определить правильный вектор развития, сочетая одновременные призывы к социальному освобождению и к объединению с не менее олигархической, чем Украина путинской Россией. Низовое восстание на Юго-Востоке Украины являлось «бунтом «класса в себе», осознавшего свои текущие интересы, но так не понявшего свои политические задачи и перспективы вплоть до того самого момента, когда было уже необратимо поздно, а контроль над ситуацией оказался в руках совершенно иных сил» [5].

Тем не менее вряд ли раскол украинского социума имеет только социально-экономические основания. С иных сторон видит проблему А. Дугин, развивающий классический геополитический подход – атлантизм-континентализм. По его мнению, украинский конфликт отражает борьбу однополярного мира, воплощенного американской гегемонией, против России, отстаивающей модель многополярного мира. По сути украинцы – пешки в этой глобальной игре. Собственно, Европа подразделяется на атлантическую и континентальную. Если первая – всего лишь марионетка США, то вторая «постепенно движется в сторону независимости» [6]. Однако подобный геополитический дуализм зачастую сталкивается с культурно-цивилизационным подходом и проигрывает ему. Так, И. Кефели справедливо отмечает, что на протяжении двенадцати веков европейской истории «имперский жезл» мог переходить от одного государства к другому, но при этом сохраняя суть – защиту европейской культуры от «азиатских орд» [7]. Такая логика объясняет не только тяготение исконно континенталистских стран Европы к атлантическим США, намного им более культурно близких, чем Россия; но и вообще феномен западной русофобии, основательно описанный несколько лет назад швейцарским публицистом Г. Меттаном.

Культурно-цивилизационные смыслы имеются в принципиально различных интерпретациях проблематики украинской нации. Например, согласно либеральной трактовке, выраженной журналистом польского издания газеты «Ле Монде» З. Ковалевским, украинская нация существовала и до 2014 года, не имея особых проблем с единением. Внутренний конфликт стимулировали российские крайне правые силы, стремящиеся к реваншу, через реставрацию российского империализма. При этом данный раскол больше имеет виртуальный смысл, чем отражает реальное положение дел [8]. Точка зрения, что вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины порожден «банальным российским вторжением» (выражение одного эмигрировавшего на Украину российского профессора в интервью радио «Свобода») мало согласуется с реальными фактами. Тем не менее она служит подкреплением распространенного в европейском истеблишменте симулякра о вечно актуальной российской угрозе.

Противоположная позиция представлена у публицистов О. Бузины, А. Ваджры. Они отрицают наличие украинской нации, предпочитая термин «малороссы». По мнению А. Ваджры, украинская нация начала формироваться искусственно с подачи Австро-Венгерской империи и при участии польских католических деятелей. Для этого была сделана ставка на культуру жителей Галиции, далеко отстоявшей от России и в то же находящейся под наибольшим западным влиянием [9]. А. Ваджра справедливо подмечает ведущую роль внешнего фактора в искусственности украинской нации. В то же время он где-то переоценивает степень воздействия советского руководства, которое, по его мнению, очень много сделало для закрепления украинской идентичности, делая ставку на союз «трех братских народов». Дело в том, что попытка образования самостоятельной Украины имела место уже в 1917 г., после кризиса и распада российской империи. Но уже тогда подобный шаг встретил противодействие со стороны жителей Донбасса, провозгласивших образование Донецкой Криворожской советской республики в составе РСФСР. В годы СССР проводилась политика жесткого пресечения как русского великодержавного шовинизма (по сути империализма), так и украинского национализма. Одновременно, как пишет А. Шубин, политика украинизации не была особенно жесткой, поскольку полный переход государственных структур на украинский язык был невозможен. В годы форсированной индустриализации, естественным образом требовалось свободное владение государственным языком – русским, что отодвигало украинский язык на второй план. В итоге украинская бюрократия и служащие освоили смесь украинского и русского языков, так называемого «суржика» [10].

А. Дугин, подобно украинскому публицисту А. Ваджре, отрицает существование украинской нации, однако признает наличие западнорусской культуры, специфика которой обусловлена пространством. Если Левобережье Днепра — это место расселения русских казаков, то земли, находящиеся по правую сторону, находились частью под Польшей, частью под Австрией, частью в России, иногда меняя свое подчинение. Западнорусская культура стремилась к независимости и от поляков, и от австрийцев, и от москалей. «Идеи сохранения западнорусского архетипа, своей идентичности» имели место всегда, однако они никогда не приобретали масштабов обретения национальной государственности, которая свалилась на них по сути дела случайно в начале 90-х годов. По мнению А. Дугина, на сегодняшний момент, когда на стороне западных украинцев играют американцы, Украина не может быть пророссийской, даже при пророссийском президенте [11]. На наш взгляд, здесь верно улавливается характерная особенность идеологии украинства как политической нации. В формировании последней России отводится «почетная» ниша образа врага в социальном сознании. Однако это же обстоятельство служит фактором невозможности украинского единства, так

как вызывает неизменное отторжение русскоязычными жителями украинского Востока.

Негативная культурная и политическая «инородность» восточных областей Украины констатируется и заядлыми «западниками». Например, известный постсоветский писатель и публицист Ю. Андрухович неоднократно подчеркивал целесообразность отделения Донбасса и Крыма от Украины, мотивируя это ценностным превосходством последней. Жители восточных регионов являются частью российской нации, и будут только мешать становлению Украины как свободной европейской страны [12]. Если обратить внимание на экономический расклад, то сразу же бросается в глаза противоречивость этих рассуждений. Ведь именно «культурно отсталые» восточные регионы сосредотачивают основной промышленный потенциал Украины, а их исключение может и облегчит интеграцию в Европу, однако окончательно закрепит за Украиной статус европейской периферии. Тем не менее позиция Ю. Андруховича интересна прежде всего в идеологическом плане, так как он не видит для Украины иного цивилизационного выбора, кроме западного.

Противоположный вектор обозначен П. Губаревым, который являлся первым народным губернатором Донбасса в ходе стихийного восстания низов 2014 г. В своей книге «Факел Новороссии» он не только описывает события «Русской весны», но формулирует идеологическую платформу «Русского мира». Последний носит как политический, так и, в меньшей степени, культурно-цивилизационный смысл. Прежде всего это русский язык и культура, общая историческая память, национальные интересы, а также общие внутренние и внешние враги [13]. В то же время П. Губарев полностью признает, что российское общество в не меньших, если не в больших масштабах переживает ту же самую проблематику, что и Украина – господство олигархов, криминальный капитализм, коррупция. Другое дело, что к единению с Россией зовет «почвенническая» сущность, которая выходит на первый план в рамках культурно-цивилизационной парадигмы.

Однако реализация подобной задачи затрудняется характером внутренних процессов самого российского государства. Последнее оказало значительную (возможно, даже решающую) помощь в отражении украинской агрессии, естественным образом принимая масштабное участие в судьбе ДНР и ЛНР. Характер этого участия (уже после активной фазы военных действий) можно определить, как негативный диффузионизм, который по своей сути малопродуктивен и попросту включает социумы республик в пространство российских общественных противоречий.

С одной стороны, Россию лихорадят как противоречия внутри элитных групп, так и собственно социальные антагонизмы, присущие капиталистической полупериферии. Российское общество идеологически расколото как по классовому, так и по цивилизационному признаку, разделяясь на западников и сторонников почвенничества. Причем, если костяк

первых составляют приверженцы либерализма, а также некоторые представители левых, то ко вторым относится довольно пестрый конгломерат идейных течений, где задает тон тенденция сближения консерваторов-националистов (И. Стрелков) и сторонников «левых», тяготеющих к особому типу почвеннического социализма (А. Квачков). Российское руководство сделало формальный выбор в сторону собственной цивилизационной идентичности, что выражается на уровне официальных текстов, наполненных соответствующими идеологемами. Однако если обратиться к политической практике, то здесь дела обстоят фактически противоположным образом. Экономическая сфера целиком и полностью ориентирована на глобальную мировую систему, что закономерно обостряет социально-классовые противоречия, консервирующиеся возрастающей жесткостью государственной власти; реализация национальных задач носит фрагментарный и во многом подчиненный характер. Последнее обстоятельство находит большее отражение в социокультурной сфере, хотя и здесь наблюдается существенный уклон в сторону глобализма и западнизма – речь идет о том же жестком внедрении болонских положений.

С другой стороны, российская власть предполагает жесткую вертикаль административного подчинения, что диктуется как обострением социальной проблематики, так и отечественной политической традицией. От самых верхних политических институтов и вплоть до районных поселковых администраций доминирует принцип назначения, а не выборности. Российская политическая поддержка самопровозглашенных республик имела оборотной стороной минимизацию низовых инициатив, отеснение на вторые, если не на третьи роли народных вождей, того же самого Павла Губарева. Нам представляется, что это обстоятельство имеет как инструментальную, так и политико-идеологическую обусловленность. Ведь народное движение за Новороссию имело на вооружении не только культурно-цивилизационные, но и социальные лозунги. Противоречивая роль России весьма точно зафиксирована в тезисе Б. Кагарлицкого. «Вмешательство российских властей на стороне восставших одновременно обеспечило техническое выживание Донецкой и Луганской народных республик, но в то же время лишило их перспектив самостоятельного развития» [14].

Все вышперечисленное скорее содействует обострению социально-экономической проблематики Донбасса, одновременно ослабляя «почвенническое» тяготение его жителей к России. В то же время мировой кризис и нестабильное состояние самого российского общества может вывести на передний план самый неожиданный политический вектор, что скажется на судьбе республик в ту или иную сторону. Если говорить о перспективах, то оптимальным для ДНР и ЛНР представляется участие в «полуживом», но все же еще не отмененном проекте формирования Евразийского союза, где очень бы пригодился как промышленный потенциал

республик, так и возможно еще не полностью растроченный идейно-политический запал.

Ссылки и примечания:

1. Делягин М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации / М. Г. Делягин. М.: Эксмо, 2003 С. 342.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский М.: Международные отношения, 1999. С. 36.
3. Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма./ Б. Кагарлицкий М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 248.
4. Там же. С. 249.
5. Там же. С. 252.
6. Дугин А.Г. Украина: моя война. Геополитический дневник. / А.Дугин М.: Центрполиграф, 2015 С.15
7. Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб.: Изд.дом «Петрополис», 2007 С. 120.
8. Ковалевский З. Русские белогвардейцы на Донбассе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.nihilist.li/2014/07/25/russkie-belogvardejtsy-na-donbasse/>
9. Ваджра А. Украина, которой не было. Мифология украинской идеологии /А. Ваджра – М.: Яуза-Пресс, 2015.
- 10.Шубин А.В. История Новороссии – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015 – с. 324.
- 11.Дугин А.Г. Украина: моя война. Геополитический дневник. / А.Дугин – М.: Центрполиграф, 2015 – С. 17.
- 12.Андрухович Ю. Если победят оранжевые, то Крыму и Донбассу нужно дать возможность отделиться [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.unian.net/politics/382802-andruhovich-esli-pobedyat-oranjevyie-to-kryimu-i-donbassu-nujno-dat-vozmojnost-otdelitsya.html>
- 13.Губарев П.Ю. Факел Новороссии / П. Губарев СПб. Питер, 2016.
- 14.Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма./ Б. Кагарлицкий М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 253.

Политология

УДК 323.15

А.А. Горулько

аспирантка,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: aljona.gorulko@yandex.ua

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЭТНИЧНОСТЬ» В РАМКАХ ТЕОРИИ ЭТНОСОВ

Аннотация

В статье анализируется феномен этничности. Автор исследует основные теории интерпретации этносов в политическом измерении. Анализируется роль этноса как политического актора.

Ключевые слова: этнос, этничность, идентичность, примордиализм, конструктивизм, инструментализм.

Summary

The article analyzes the phenomenon of ethnicity. The author examines the main theories of interpretation of ethnic groups in the political dimension. The role of the ethnos as a political actor is analyzed.

Keywords: ethnos, ethnicity, identity, primordialism, constructivism, instrumentalism.

Исследованию этничности в научном дискурсе посвящено множество работ, однако интерес к этой теме не становится менее актуальным. Повышенное внимание к данному вопросу наблюдалось на протяжении всего XX века, эта тенденция не имела географических границ и была сопряжена с такими историческими событиями как: Первая и Вторая мировая война, распад колониальных империй, однако, новый виток проблема этничности получила в 90-е годы XX века, когда на мировой арене возобладали дезинтеграционные процессы, которые сопровождались распадом Советского Союза и Югославии, разделом Чехословакии и образованием более 20 независимых государств.

Образовавшиеся государства столкнулись с рядом экономических, политических и социокультурных проблем, но следует заметить, что немалое число трудностей, в государственном строительстве, были вызваны национальной и исторической самоидентификацией. Следовательно, необходимо научное

переосмысление этнополитических процессов в контексте оценки роли этноса как политического актора.

В современном мире «этнический фактор» все чаще становится объектом целенаправленных усилий участников политического процесса, рассматривающих этничность как важный мобилизационный ресурс публичной политики [1]. На основании этого, мы предполагаем, что вопрос о природе этничности и роли этнической идентичности в рамках политических процессов склонен к постоянному возрождению.

Современные государства подвержены политизации этнического вопроса. Указанный феномен связан с тем, что этничность становится одной из политических констант и средством политики. Можно предположить, что данная тенденция обусловлена тем, что в современных демократиях ставится вопрос «о способах организации публичной сферы, т.е. о том, в состоянии ли последняя обеспечить равное признание разных идентичностей» [2].

В связи с этим этнический вопрос приобретает политическую окраску и становится определяющим в конструировании национальной политики государства. Сложность феномена побуждает к поиску концепций, которые объяснили бы концепт этничности в политическом дискурсе.

Осуществляя попытку систематизации подходов к феномену этничности, необходимо начать с анализа классических подходов, которые сформировались во второй половине XX века в западной науке: примордиализм, инструментализм и конструктивизм.

Исторически первым подходом к пониманию этничности, принято считать примордиализм. Как академическая концепция окончательно формируется в 1950-е – 1960-е годы. В мировой научной литературе, особенно в политологической и социологической, в рамках данного направления, этничность рассматривается как объективная данность, своего рода изначальная (примордиальная) характеристика человечества: «До того как индивид становится членом общества или нации, он или она уже обладают чувством общего происхождения, культурной или физической схожести, или просто близости к своим», указывает на примордиальную особенность этноса советский и российский историк, этнолог В. Тишков [3].

В рамках примордиального подхода можно выделить таких ученых как: российского философа Н. Данилевского, автора концепции этногенеза и пассионарности Л. Гумилева, российского этнолога С. Широкогорова, автора дуалистической концепции этноса Ю. Бромлея. Среди зарубежных ученых, в рамках примордиализма работали: американский антрополог К. Гирц, теоретик нации и национализма Э. Смит (следует отметить, что примордиальные позиции ученого были характерны для его ранних работ), американский социолог Э. Шилз и другие [4]. В современной российской науке примордиалистские концепции этничности разрабатывают Ю. Семенов, В. Козлов, Е. Троицкий, Р. Абдулатипов.

Сам термин «примордиальные связи» ввел в научный оборот в середине XX века американский социолог Э. Шилз. Наиболее популярной формулировка подхода к этничности в рамках примордиализма принадлежит американскому

антропологу К. Гирцу: «В каждом обществе во все времена некоторые привязанности проистекают больше из чувства естественной, некоторые сказали бы – духовной близости, чем из социального взаимодействия» [5].

В плоскости примордиалистского подхода, традиционно, выделяют два направления: социобиологическое (или природное) и эволюционно-историческое (или культурное). Представители социобиологического (П. ван ден Берге, Л. Гумилев) представляют этничность как исходную (органическую) характеристику человека.

В чистом виде социобиологический подход в науке сегодня не популярен. Гораздо больше авторов придерживаются эволюционно-исторического варианта примордиализма, когда этничность – это прежде всего разделяемая членами группы культурная общность с объективными характеристиками принадлежности: территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и даже психический склад [6].

Представители эволюционно-исторического подхода (К. Гирц, Ю. Бромлей, С. Широкогоров) в отличие от социобиологического направления рассматривают этничность, прежде всего, как социальное явление. В науке эволюционно-историческое направление примордиализма господствовало до 60–70-х годов XX века, в отечественных исследованиях – до 90-х годов XX века.

Не смотря на существующие в рамках примордиализма различные направления, длительную историю существования самого подхода, на сегодня он утратил, в некоторой мере, свою актуальность.

Так, на фоне историко-политических событий, которые происходили в 1970-е гг. в США и сопровождались массовыми этническими движениями, опровергающими концепцию «плавильного котла», развивающуюся на базе примордиальной трактовки этничности, формируется убеждение в том, что этничность – это инструмент в сфере политических отношений. В следствии этого, в 1970-х гг. в западном научном пространстве возникает инструментализм (ситуационизм, мобилизационизм).

В соответствии с данным подходом, этничность рассматривается в качестве инструмента, используемого в борьбе за власть, благосостояние, статус. В рамках данного направления в западноевропейской науке выделяют работы Дж. Ротшильда и Дж. де Воса, Н. Глейзера, Д. Белла. Инструменталистского подхода придерживаются такие российские исследователи, как: историк и этнолог М. Губогло и Л. Дробижева, С. Арутюнов, Н. Чебоксаров.

Инструменталистские концепции часто опираются на социально-психологические теории, трактующие этничность как средство восстановления политического и культурного равноправия, как способ социальной терапии. Согласно данному подходу этничность — это «средство в коллективном стремлении к материальному преимуществу на социополитической арене, а наблюдаемая в различных формах этническая мобилизация диктуется требованиями тех или иных материальных факторов, которые определяют социальное поведение» [7].

Следует подчеркнуть, что инструментализм, в отличие от примордиализма, не ориентирован на поиск объективных оснований этничности, напротив он выходит с позиции, что этнос – это факт, данность и ориентируется на поиск ключевых функций, которые выполняются (или могут выполняться) этносами.

Необходимо отметить, что ряд учёных рассматривают инструментализм, как самостоятельный подход, однако существует точка зрения согласно которой, инструментализм является родственным конструктивизму направлением.

С начала 80-х годов конструктивизм является одним из наиболее значимых подходов в объяснении этничности и ответом на возникшие в ряде социумов этнические проблемы, которые способствовали кризису в социально-политической сфере.

Согласно данному подходу, этничность означает форму социальной организации (конструирования) культурных различий. Этничность – не предписанный, а достигаемый статус, конструируемый группами (чаще всего элитами) в своих политических целях [8]. Заметим, что наибольшее распространение подход получил в США, Канаде и Австралии (указанные государства формировались на эмигрантской основе).

Основными теоретиками конструктивизма были: британский политолог и социолог Б. Андерсон, британский философ Э. Геллнер, британский историк Э. Хобсбаум, американский социолог Р. Брубейкер. В российской науке, конструктивизм развивают: В. Тишков, В. Малахов, С. Соколовский.

Существенные черты конструктивизма хорошо описал К. Янг, он рассматривает этничность «как созданную, скорее, чем данную, как новаторский акт творческого воображения». Данное утверждение, также содержится в книге П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности», которая дает некоторое представление об их видении социального мира, «Ядро этой теории, – пишут они, – связано с вопросом о том, как повседневная реальность социально сконструирована» [9].

Выше указанными подходами не ограничивается анализ этничности. Существуют ряд альтернативных концепций. Например, доктор социологических наук, профессор С. Татунц, выделяет в рамках примордиализма два направления: расо-биологическое и социо-историческое. Подчеркивая, что к расо-биологическому пониманию этничности относятся те концепции «которые построены на основе биологической методологии и принципе иерархии» [10]. В то время, как под социо-историческим подходом понимается «этнос, этнические общности как не биологические феномены, а социальные» [11]. Российский философ и политолог, А. Дугин выделяет, по схожим критериям, биосоциальный и культурный примордиализм.

Научное сообщество неоднократно высказывалось в пользу того, что необходимо синтезировать существующие подходы к пониманию этничности, чтобы создать общую теорию, которая могла бы более полно объяснить этот феномен. Например, подобная попытка принадлежит таким западным исследователям как: Дж. Нейджел, который предложил рассматривать проблему

этничности в синтезе инструментализма и конструктивизма, попытка синтеза примордиалистского и инструменталистского подходов, принадлежит Дж. Мак-Кэю, который разработал матричную модель такого синтеза [12].

Теоретико-методологические трактовки этничности и этноса многообразны, они позволяют рассматривать роль этнических общностей в политическом измерении с разных позиций, синтезируя и выявляя новые особенности феномена этничности и политизации этничности. Однако анализируя выше указанные теории, мы пришли к выводу, что условно, разделение происходит следующим образом: существует примордиализм, который рассматривает этничность как компонент, принадлежащий человеку от рождения, это исходная (естественная) характеристика человека, это звено первично по отношению к дальнейшей самоидентификации. И, существуют противоположные примордиализму подходы (конструктивизм, инструментализм), которые предполагают, что этничность и этническая идентичность не всегда обладают «естественной природой», а напротив, являются искусственно сконструированными.

Обобщая все сказанное, стоит отметить, что, если говорить о роли этничности в политическом дискурсе, речь идёт, прежде всего, о полиэтничных государствах. В моноэтнических обществах вопрос об этнической идентификации, в меньшей степени, обладает той значимостью и политическим влиянием, которое можно наблюдать в полиэтничных, однако даже в таком контексте невозможно полностью нивелировать этнический компонент. Политический вес, этничность, имеет лишь в том случае, когда этот аспект продуцируется этнонациональной политикой государства или конкретными элитами.

Перспективным является исследование роли этничности в формировании политических предпочтений, каким образом этнонациональный аспект может оказывать влияние на формирование политических ориентаций.

Ссылки и примечания:

1. Семененко И. С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории». // Полис. Политические исследования. №6. 2016. С. 69-94.
2. Малинова О.Ю. Гражданство и политизация культурных различий (Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии) // Полис. Политические исследования. №5. 2004. С. 7 – 18.
3. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. Москва : Наука. 2003. 544 с.
4. Перепелкин Л.С. Конструктивизм в этнологии: теория и практика // Вопросы социальной теории. Том VII. Вып. № 1-2. 2013-2014. С. 59-72
5. Винер. Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. №4. 1998. С. 3 – 26
6. См. Тишков В.А. С. 101

7. Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. № 1-2. 1993. С. 3-38
8. Дадуев М.А. Концептуальные основы этнополитики в современной России // Теория и практика общественного развития. № 2. Серия. Политические науки. 2013. С. 169-174
9. См. Винер Б.Е. С.7
10. Татунц С.А. Этносоциология. Учебное пособие для студентов / Татунц С.А. Москва : МАЛП, 1999. 140 с.
11. Там же. С.19
12. См. Виннер Б.Е. С.9

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИЗДАНИЕ ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Сетевое издание

№3 (70) 2019

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук.

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук.

Члены редакции:

Агапов В.Л. – д-р ист. наук, **Бредихин А.В.** – д-р ист. наук, **Кузнецова Е.В.** – к-т полит. наук, **Морозов Р.Н.** – к-т ист. наук, **Пенькова О.Б.** – к-т ист. наук, **Разумный В.В.** – к-т ист. наук, **Черкашин К.В.** – к-т полит. наук.